

МАКСИМ ЦВЕТКОВ

ПАДЕНИЕ ТИТАНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Цветков
Колизей 2. Падение Титана
Серия «Колизей», книга 2

<https://litres.ru/73465426>

SelfPub; 2026

Аннотация

Путь Титана труден и тернист, полон боли и бранной славы. Следуй ему, богоборец, и ты встретишь друзей и врагов. Одних надобно победить, других - выручить. Кому твой меч принесет жизнь, а кому - гибель, решать лишь тебе.

Сутро МакСимбол, в прошлом бесполезный забулдыга, а ныне бессмертный герой, бросивший вызов Богам, продолжает свои странствия в поисках славы, любви и, главное, себя. И что бы он ни нашел, это его сначала убьет, а потом сделает сильнее... А может и наоборот.

Встреча с любимой и другом, или бесславная гибель на самом дне мира-антиутопии? Вечная жизнь, или вечная смерть? Вера, или полный крах надежд? Возможно, здесь ты, мой читатель, и найдешь свои ответы... Но это, как всегда, не точно.

Вперед сквозь черноту междумирья к новым мирам, и пусть ветер пустоты не покидает твои паруса! В путь, мой читатель, в путь! А я буду рядом и расскажу тебе новую сказку...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	50
Глава 5	65
Глава 6	80
Глава 7	98
Глава 8	117
Глава 9	142

Максим Цветков

Колизей 2. Падение Титана

Глава 1

Нищий ползает по днищу,
Ищет радость бытия.
Если что-то и отыщет,
То проглотит, не жуя.

Солнце плавилось и текло, оплывая к горизонту огромной медовой каплей. Мухами, налипшими на сладость и оттого медлительными, казались на фоне непомерного диска бесчисленные флайеры служб, аэротакси, дроны С.П.И. – Службы Правопорядка Иерархата и прочее летающее железо, заполонившее зеленовато-золотое необъятное закатное небо над Величием – столичным миром Острия.

Давным-давно по времени Престола, когда Узурпатор собрал миры в кулак и учредил экспансивную политику, нацелив сплотившийся и непомерно разрастающийся народ вовне, наружу, за границы зримого мира, Величие звался Осью и так же имел статус столицы. Богатый и развитой, Ось

был центральным миром Серебряной Империи, включавшей в себя еще семьдесят две прекрасные густонаселенные планетные системы, не только входившие в состав Колизея, но и находившиеся недалеко друг от друга в реальном космосе. Недалеко по меркам космической цивилизации, разумеется.

Империя пала под натиском сил вторжения за неполный год Колизея, и сейчас все эти семьдесят три мира – лишь крошечная часть Престола, миры фронта, стоящие на острие экспансии. Отсюда и название конгломерата – Острие. Величие глубже остальных погружен в тело могучего Престола и, являясь штабным миром командования сил экспансии на своем направлении, богат, суетлив и насквозь прогнил от преступности и коррупции. За годы под Престолом мир стал бездонной социальной пропастью, отделившей правящую элиту – высшее офицерство вкупе с ближним кругом от всей остальной пестрой многоступенчатой миллиардной белковой массы, ползающей по днищу и отвратно разящей невозможной, кажется, нищетой.

В этом плане Колизея – технологическом, где реальный космос стал тесной ареной боевых действий, живут в основном именно люди, хуманс. Остальные расы представлены скорее для разнообразия и в порядке исключения. Те, кого люди Земли Изначальной в ее младенчестве, в XXI веке привыкли называть эльфами, гномами, демонами, ангелами и далее, и далее, все они предпочитают миры иных планов, миры, без техники, без роботов, лучевого и энергетического

оружия, орбитальных бомбардировок и титанических гасителей звёзд. Но это не значит, что эльфы не сжигают целые планеты в огне своих страстей. Сжигают, и еще как сжигают! Но зовут это иначе – магическим искусством.

Пытливый ум естественным образом уже конечно же мучим вопросами, как то: «Работают ли бластеры в мире меча и магии?», «Можно ли прилететь в демонический план на космолете и загнать статератонный заряд прямо в задницу Асмадею, и что от этого случится?», «Можно ли колдовать в открытом космосе?» и, главное, «Пересекаются ли технологический и магический планы?». Пытливый ум найдет свои ответы. Обязательно. Сейчас же в лучах заходящей звезды, мучим перманентным похмельем, на самом дне людской иерархии открыл глаза человек.

Полупьяный, грязный и изможденный он очнулся в норе, которую отрыл годы тому в горе синтепластового мусора на первом ярусе Полиса. Ниже первого – только коммуникации, но там царит гибель. Даже самые отчаянные не идут на минусовые, только отчаявшиеся. Говорят, там можно найти немало ценного, за что десятком ярусов выше барыги просто осыпят единицами. Но то – только разговоры. Никто не видел вернувшихся с минусов. То ли таковых и правда не бывает, а то ли возвращаются лишь те, кому ума хватает о своем везении помалкивать в тряпочку.

Так или иначе, человек проснувшийся в горе мусора и прямо сейчас глубоко об этом пробуждении сожалеющий,

именно сегодня собирается отправиться на минус. Собирается уже давно, хмуро и сосредоточенно. И уж конечно ж он о том никому не скажет. Зачем? Да и кому? Многие на дне знали его, но все звали просто «Эй» или «Слышь». Никому даже в голову не приходило, что этот нищий из нищих, падший ниже дна убогий может иметь имя. Так что вряд ли кто стал бы интересоваться его самочувствием, планами на день или, не приведи жизнь, стратегией выживания. А зря...

Воровато оглядевшись, мужчина, то, что от него осталось даже, раскопал из горы синтепласта бутыль все того же дармового и вездесущего в этом мире материала, откупорил, приник к горлышку и, запрокинув голову, одним долгим глотком профессионального пьяницы влил в себя изрядную порцию крепкого и преотвратительного пойла. Окажись рядом землянин, так сказал бы, что этот молодчик, не моргнув, осилил ноль семь. Но откуда бы взяться землянину на Величие?

– Ненавижу! – признался пьяница бутылке и отбросил опустевший сосуд, сопровождая его полет затяжной болезненной отрыжкой, – Ненавижу! Слава Богу, это все уже собирается кончиться... Слава, мать его, Богу!

Он всегда говорил с собой и говорил вслух. Никому не было дела до бормотания этой заскорузлой безумной вонючки, так что никто никогда и не сказал бы, о чем именно говорит с собой тот, кому не место на Величии. А он говорил. И говорит сейчас. И надеется, что поговорить ему еще пред-

стоит, так что бормочет себе под нос, не заботясь о посторонних ушах.

– Через четыре стандартных часа – первый рассвет, потом еще через два – второй. Ненавижу такие миры. Солнца не должно быть много, одного достаточно, в самый раз. А здесь даже ночи нормальной нет. Бесконечный парад планет какой-то! – последняя фраза прозвучала как гнусное ругательство, настолько презрительно и... художественно, – Но ничего-ничего, все это и так уже собирается заканчиваться. Лишь бы Урмаверма не подвел...

Пошатываясь и разбрасывая заплетающимися ногами синтепласт всех форм и размеров, что только и могут существовать, бродяга понуро идет к шлюзу на минуса. Плечи опущены, голова – грязное мочало многолетних колтунов, глаза привычно метут пластибетон под ногами в поисках ну хоть чего-нибудь, тело укутано в обрывки синтепластовой одежды, что бесплатно раздают на десятом тамошней рванине. Он настолько черен от грязи и загара, что на лице его вряд ли кто сможет прочесть едва наметившуюся да так и застывшую улыбку человека вполне довольного собой.

– Эй, грязь! – прозвучало привычно и даже ожидаемо, уверенно и угрожающе, так что бродяга ускорился, – Стоять, мразь! Я кому сказал?! Стоять!

Охота здесь идет всегда, так что надеяться пройти по центральной линии нулевого среди бела дня неспешной походкой и не умереть – великая блажь!

– Стоять!

Бродяжка припустил уже бегом. Насколько мог, конечно. Ноги его не были предназначены для бега, а тело, истощенное вечным голодом и синтетическим пойлом, вообще с трудом можно было назвать живым. Но, однако ж, он побежал.

До шлюза оставались метры и погоня, каким-то чудом проворонившая его на променаде, теперь безнадежно запаздывала. Сторожевой искин распознал в беглеце классический биомусор, который значился в его таблицах как «Допущен». Политика Престола поощряла самопроизвольную гибель подобных индивидов на минусах, так, чтобы без постороннего участия, сам.

Ворота шлюза приоткрылись, ровно давая тощему телу бродяжки протиснуться внутрь, оставляя по ту сторону обрывки синтепласта, мерзкий смрад и... всё. Отныне его уже никто и никогда не увидит. И не вспомнит, конечно же.

– Дьяболов ублюдок сбежал! – прорычал, останавливаясь у герметично притертых створок, один из трех преследователей, – Как можно было снова упустить эту погань, и уже теперь окончательно?!

Вожак прожигал гневным взглядом дыру в охотнике пониже да пожиже, стоявшем в это утро на посту у окна второго этажа, дававшего отличный обзор на всю центральную линию нулевого от мусорной кучи и до шлюза.

– Как, Со? Он шел со скоростью недобитого крысопода! Как ты мог не заметить, как?!

– Его здесь не было, Шерг... – Со ссутулился еще сильнее и сделал неуверенный, а оттого и нелепый шаг назад, – Клянусь Престолом, он просто возник под окном и, пока я дозволялся вас, он уже...

Могучая затрещина не только не дала неудачнику договорить, но и вообще закрыла для него саму эту возможность, раздробив нижнюю челюсть, сломав скулу, сместив нос. Вероятно, именно от этого неизгладимого увечья, а может от вечного пьянства, дрянной пищи и тяжелейшего сотрясения мозга, вызвавшего обширное кровоизлияние, Со несколько раз конвульсивно дернулся, обмочился и умер.

– Падаль – в шлюз! – бросил через плечо второму подчиненному Шерг и, не оглядываясь, пошел досыпать в их «контору».

В «конторе» старшего охотника сейчас ждала новая бутылка пойла и обвисшая жопа Вейлы, от одной мысли о которой Шерга и замутило, и взбудоражило одновременно. Увлеченный картинами предстоящих еще трех суток охоты, или уж точнее сказать пьянки и кувыркания с Вейлой на старом, но крепком матрасе, он не мог видеть, как Хем подтащил тело к створкам шлюза, как те приоткрылись, и как, не иначе, чем Сам Дьяболи ухватил Хема за шиворот и вместе с его скорбной поклажей втащил в начавший уже вновь затворяться шлюз.

Горриган Золотая Борода – единственный дварф на Острие не был представителем ни одной из почтенных профессий, коими славится на весь Колизей его народ. Как раз наоборот, Горр обожал выбранный им путь – путь рабо- и наркоторговца, путь теневого владыки. Пусть лишь с нулевого по двенадцатый, но здесь он правил безраздельно.

В нижних уровнях, кажется, в первых трех сотнях нет роскоши. Ну... так принято считать. Что ж, Горригана это мнение более чем устраивало, ведь позволяло, не привлекая внимания, утопать в этой самой роскоши, которой нет, и вести неблагоприятные делишки, только и допустимые, что на самом дне, не касаясь притом того дна и единым даже взглядом.

В его доме, снаружи таком же грязном, сером и унылом, как и все жилища дна, никогда не ступала нога люмпена, нищebroда и прочей погани из тех, что миллионами ползали под гнетом его, Горра власти. Дом предприимчивого дварфа был роскошен, светел и чист, просторен и наполнен благородными ароматами лучших торговых имен. Здесь все было под стать истинному аристократу. Все, кроме делишек, но о том никому знать и не надо. Главное, что на верхних уровнях его, Горригана Гормгрога считают удачливым торговцем и принимают без излишней брезгливости, а на нижних – Золотая Борода и есть сама власть. Чего еще желать?

Однако сегодня Горру было не до излишеств и сытого самодовольства. Сегодня, как, впрочем, и всю уже седми-

цу нервы его были на пределе. Неуемный аппетит сменился запором и кишечными коликами, сон будто украли, даже «Синтесон» не помогал, а вышколенная прислуга старалась не попадаться лишний раз хозяину на глаза. Трех девок из постельной команды он уже зашиб, а остальные попрятались, бес знает где! Каркар, впрочем, старый как сама смерть лакей был неизменно рядом и вообще ничем не рисковал. За него Горр отвалил когда-то такую прорву единиц, что жадность и до сих пор не позволит даже голос на старика повысить, не то что прибить.

– Каркар, кто из охотников выходил на связь? – вопрос не казался праздным, связи с нулевого и первых не было уже трое суток.

– Никто, кхе-кхе, – старик откхекался в кулак и продолжил, – как Шерга нашли, Вашество, так больше и ничего.

– Не зови меня «Вашество»! Сколько раз говорил?!

– Как прикажете, Вашество, – эта часть их диалога повторялась уже лет тридцать или сорок и совершенно не грозила утратить статус всенепременности, – восемь долей назад из лазарета доложили, что Шерг пришел в себя и может быть допрошен.

– Что ж ты молчал, стерва?!

– Вашество изволили трудить кишки в уединении.

Горриган недобро зыркнул на Каркара, привычно и всенепременно же пообещав себе повесить однажды старого проходимца, вот только купит кого подороже, так сразу и вздер-

нет!

– Вели привести...

– Вашество, – лакей степенно поклонился и, приоткрыв дверь на один только волосок, что-то шепнул в едва различимую щель, вновь приняв затем прежний неизменный вид каменного изваяния.

Шерга не повесили. Его даже не стали пытаться. Как раз наоборот, после реген-капсулы, недоступной и даже невозможной, кстати говоря, на первых трех сотнях и уж тем более для него – грязного жалкого охотника с нулей, Шергу вкололи «Синтесил», вмиг вернувший бодрость, ясность и хорошее настроение, а потом... А потом его накормили натуральной едой!!! Мясо крысоподов, запеченное с корнеплодами, растущими только на минусах и почему-то зовущимися картошкой мертвецов! Божественное блаженство впервые в жизни окутало Шерга негой и безмятежностью. Именно в таком состоянии он и предстал пред ясны очи Золотой Бороды.

Борода необхватного, поперек себя шире, коротышки и действительно оказалась золотой. Ни то краска какая, ни то и вовсе золотая нить вплетена. Дварфы питают к этому металлу какую-то противоестественную любовь и считают его, вроде, признаком богатства. Ну да Диаболи им – судья. Горр восседал на краю огромной кровати, на какой может разом хорошенько выспаться весь охотничий кулак Шерга.

«Мог бы...» – поправил себя с досадой охотник. Бывший старший охотник, лишившийся людей, угодий, женщины и самоуважения.

– Рассказывай, – лениво бросил дварф и, полулежа на своих роскошных перинах, уставился немигающим острым взглядом узких налитых кровью глаз из-под лесистых непролазных бровей.

Шергу не нужно было разъяснять, что именно от него требуют рассказать. Так что и рассказал все как есть, точнее было, от первого дня охоты и до позавчера, когда он чудом выжил, а затем очнулся уже здесь и уже сегодня.

Основная задача охотников – отлов и доставка в специальные приемники бродяг. В то время, как официальный Престол торгует рабами, взятыми с боя, его ночные правители приторговывают на сторону собственными гражданами, павшими так низко, что никому до них уже нет дела. Власть этого словно бы и не замечает, исходя из предположения, что чем меньше таких вот бродяг ползает по дну Полисов, тем лучше статистика!

Конечно, охота – занятие, вроде бы как, и противоправное, и даже наказуемое, но, с другой стороны – молчаливо поощряемое все теми же структурами, что должны карать. Ну а раз не карают, то народ с низов, кто посмелее, да половчее, потянулся в охотники.

Шергу повезло работать непосредственно на Горра. Конечно, сейчас он видел своего работодателя впервые, но это ему особо никогда и не требовалось. Достаточно было уже того, что имя Золотой Бороды открывало перед Шерговым кулаком – четверкой ловцов под командованием старшего охотника, все двери и снимало все претензии со стороны как мелкой власти, так и смежников, пашущих на других бонз.

Охота шла всегда. У Шерга охота была удачной. Всегда. И поэтому его ценили, ему платили, прощали вздорный характер, неумеренность, пьянство и прочие фортели, обычно становящиеся для менее удачливых охотников причиной внезапной скоропостижной смерти. В хозяйской петле, естественно. А Шерг и его кулак были на хорошем счету и жировали.

Первая осечка произошла пару лет назад, когда на нулевом от двух младших ускользнул бродяга. Прямо сквозь пальцы ушел. Неумех, конечно, избили и они перестали быть охотниками, да и быть вообще тоже перестали. Но то не стерло черной даты из календаря. Шерг промахнулся! Прямо так и говорили, пока он лично не перерезал пару слишком уж громких глоток. Разговоры утихли, но не забылись.

Затем ситуация повторялась еще семь раз. Один и тот же бродяга просто растворялся, просыпался песком в щель, и – с концами. Потом вновь мелькал где-то на нулевом. За ним шли уже намеренно и... мимо!

За эти два года Шерг лишился кучи молодняка, который

так или иначе становился жертвой обстоятельств, связанных с исчезающим нищим. Лишился части репутации. Самой важной части, той, что исходила из его собственного уважения к своей персоне охотника.

Последние месяцы, когда за призраком они устроили уже целенаправленную охоту, плюнув на заработок, сон и привычное вольное пьянство в кабаках и борделях, Шерг потерял еще и покой. Ему, охотнику с опытом, с нюхом и удачей, было очевидно, что до добра это дерьмо не доведет. Но приказ есть приказ, и парни караулили, бегали, ползали, вынюхивали и расспрашивали, платили соглядатаям и осведомителям вот уже два с копейками месяца!

Это был бред полнейший, но и неоспоримый факт – по приказу Золотой Бороды Шерг и еще четыре старших на девять недель заперли все свои силы на нулевом, чтобы поймать одного полуживого доходягу! И вот результат... Кулак Шерга мертв, кулаки Строма, Барла, Визея и Кашки потеряли каждый по два-три бойца, включая и самих вожаков. Молодняк вырезан под корень. Весь! И никто ничего не видел. Никто и ничего. Один раз Шергу довелось наблюдать это сраного неуловимца протекающим сквозь едва заметную щель шлюза на минуса, которую искин с какого-то Дяболи открыл. А с какого бы, если Борода заплатил за то, чтоб до конца охоты шлюз был заперт намертво?!

Шерг не знал ответов. Он лишь знал, что не успокоится, пока не поймает и не притащит мерзавца прямо вот сюда, в

этот огромный сияющий чистотой и роскошью зал к ногам могущественного и терпеливого, надо сказать, хозяина.

– Босс, позволь мне продолжить охоту. Я не могу это так оставить. Я сам, я один, мне никого не надо. Хватит уже терять людей. Очевидно же, что это не простой бомжара. Я видел, что он сделал с людьми Визея, заberi Диаболи его в теплые места! Обычные нищелброды так не могут. Он не попал ни в один глаз, если верить искину нулевого, конечно.

– Ты не веришь сторожевому и управляющему искинам? – Горр задал этот вопрос вроде и насмешливо, но с явной опаской, он боялся услышать то, что затем прозвучало вслух из уст бывалого и повидавшего всяких бесов наемника.

– Не верю, босс. На моих глазах этот гребаный призрак просочился сквозь шлюз, несмотря на запрет. Искин же твердит, что шлюз не открывался, что никого не было и на записи с глаз вдоль центральной линии и у шлюза видны только мы с... парнями, – Шерг опустил голову и прошептал несколько слов тихо и, кажется, покаянно, – А еще, когда я заплатил нескольким отбросам, чтоб они перерыли синтепластовую кучу под сбросником, мне принесли целый мешок костей крысоподов. Жаренных, между прочим!

Охотник замылся и надолго замолчал, что-то переваривая и прикидывая, а может и просто борясь со своими бесами. Горр его не прерывал и не подгонял. Дварф видел, что классный профи сейчас работает своими мозгами на всю катушку и готов жизнь дать за свои показания и выводы, так что то-

ропить его и подгонять смысла уж точно не было. Наконец Шерг выдал:

– Босс... Я не могу ничего доказать, ведь я последний, кто остался в живых, и у меня блок от ментоскопирования. Но если не веришь, лучше убей. Хватит уже с меня позора! Этот призрак, он... – лицо охотника исказилось гримасой нестерпимой муки, но губы все ж прошептали, – профи, босс! Он ходит на минуса как к себе домой. Он обводит вокруг пальца бывалых следопытов и режет тертых парней как детей каких, он исчезает и появляется... Я уверен, что тогда у шлюза... Он специально нас выманил. Он нас просто убил. Всех. Даже меня, хотя я единственный и выжил, кроме еще пары оболтусов из остальных кулаков. Он – профи, босс, или... герой. Не знаю даже мне по зубам ли. Но я найду, я сдохну, но уж хотя б на след наведу. Отпусти, Горриган, – Шерг поднял наконец взгляд от пушистого белого ковра и посмотрел прямо в глаза дварфу так, что у того аж под ложечкой засосало, – отпусти, или убей. Мне все одно не жить.

– Каркар!

– Да, Ваш... – старик зыркнул на охотника и продолжил явно не так, как собирался то сделать его гадкий язык, – Ваша Милость?

– Пусть этому мужчине, – последнее слово Горр намеренно подчеркнул, желая поддержать высокого мастера, сейчас так упавшего духом от неудач, – выдадут все, что он только затребует для своей охоты, – дворецкий открыл, было, рот,

но Горриган умел быть очень грозным, – Сейчас же!

Сварливого старикашку словно сдуло могучим рыком хозяина, а тот посмотрел на Шерга долгим немигающим взглядом своих маленьких красных глаз, затем скатился с мягкой белизны перин, оказываясь охотнику по грудь, подошел и протянул ему руку.

– Удачи, Шергаро Полони! И прощай. Ты свободен от своих клятв. Я так сказал!

Охотник посмотрел, как впервые на руку, которую только сжимала огромная ладонь могущественного дварфа, молча низко, до земли поклонился и вышел за дверь, а Ночной Иерарх низов, Горриган Золотая Борода Гормгрог крепко задумался, перебирая в голове и другие совпадения, кои такими ему уже теперь не казались.

Глава 2

Кто платит золотом, тот никогда не жил,
Не знает вкуса ветра после штиля,
Не рвал, спуская паруса, последних жил,
Не стал героем невозможных былей.
Кто платит золотом, ленив и одинок,
А мы за золото отдали дни и годы,
Прокладывая курс в такие воды,
Где даже дьявол выжить бы не смог!
Кто платит золотом, тому и грош цена!
Отчаянный торговец выйдет в море
И терпкий вкус заморского вина
Оплатит кровью, со штормами споря.
Кто платит золотом, еще до срока мертв!

Открывая глаза, меньше всего я рассчитывал обнаружить себя на корабле. Точнее, разум не сразу смирился с тем, что я жив «все еще», а не «уже», и сейчас – не в Личной Комнате. Потому первое время сознание мое плавало в теплых водах блаженного неведения, а глаза бездумно облизывали интерьеры, не провоцируя ни вопросов, ни беспокойства и даже не нарушая внутренней тишины. Я настолько был готов

к смерти, что не сразу принял жизнь, несколько бесконечно долгих мгновений будучи мертв и жив одновременно и не создавая этой двойственностью никаких возмущений бытия – паладин Шредингера.

– Драгоценный, не соблаговолите ль отозвать собачку?

Когда смысл слов пробился-таки сквозь скорлупу недоумения внутрь мыслящей части меня, тело само по себе усе-лось на деревянной шконке, свесив босые ноги и тем самым погрузив их в огромную, до потолка, кучу белого жутко смердящего меха. Разум пробудился наконец, сбросив оцепенение. Слова и понятия горной селью ворвались в пустую прежде голову следом за спокойным уверенным голо-сом мужчины в синем строгом костюме. Незнакомец сидел нога на ногу в огромном кресле зеленой кожи и старого даже на первый взгляд драгоценного красного дерева в изящной резьбе.

Все остальное пространство каюты было безнадежно занято, ибо псина размером с карьерный самосвал, даже свернувшись в тесный клубочек, не смогла компактно разместиться, вытеснив из помещения все, включая воздух и здравый смысл. Но, во всяком случае, теперь мир встал на свои места, а особенно мех и запах.

Четыре с хвостиком тысячи Очков Истины доступных для преобразования порадовали мыслью, что не придется резать руки на глазах нового человека в первую же минуту знакомства. Я выбрал «Вернуть форму» для питомца, кровавый ба-

ланс отсчитал Колизею тысячу ОДП, а Дух, обратившись милым забавным щеном, тут же подхватился с места и принялся носиться за собственным хвостом, вновь занимая собой все пространство и внимание.

– Премного благодарен, – сдержанно и несколько напряженно улыбнулся развернувшейся картине мужчина в кресле, – Видите ли, недоступность карт и лоций начинала уже становиться проблемой, а отправлять Вашего малыша на перерождение из-за одного этого неудобства было бы просто невежливо. Этот герой спас Вам жизнь, чем заслужил уважение мое и команды и, как минимум, право дожидаться пробуждения хозяина.

Я отметил, как легко было сказано об отправке Духа в серое ничто. Говоривший ни на секунду не сомневался в самой возможности убить хищника таких размеров, обладающего притом специфическими умениями. Он лишь не хотел оскорбить «малыша» и его хозяина. Да и сказано это было не ради позы. Мужчина мог. И он сообщил о том сразу и открыто, пресекая лишние прения и скользкие намерения на корню. Что ж, такое стоит уважать и оплачивать соответствующей монетой.

– Да, это весьма благородно. Благодарю. Мне и правда не хотелось бы мстить собственным спасителям за убийство питомца, а затем думать, как покинуть пустой и неуправляемый корабль.

Мужчина с полминуты сверлил меня колючим пронзи-

тельным взглядом опытного игрока, затем, вдруг разом потеплев, громко от души рассмеялся и с широченной улыбкой подошел, протягивая руку.

– Серхио ЛаВега. Бессменный капитан этого, – он обвел широким жестом пространство вокруг, – быстрокрылого чуда дварфийских карабелов Золотой Верфи, мастер рапиры, торговец, поэт и просто хороший собеседник к Вашим услугам!

– Сэр Сутро МакСимбол, – понятия не имея, как бы отрекомендоваться не хуже, я помрачнел и оттого скомкал приветствие, – герой, который все пытается, но никак не может сдохнуть, паладин крови и... не знаю, что еще добавить, сэр...?

– Просто Серхио, либо если Вам уж прямо не вмоготу, как хочется меня почествовать, то можно и Дон ЛаВега. Но то излишне, уверяю!

– Хорошо, Серхио. Для Вас я просто Сутро, или сэр Сутро, как Вам будет угодно и к месту. А сейчас прошу ответьте мне на пару неотложных вопросов.

Мужчина галантно кивнул слегка набок и, не скрывая облегчения, вернулся в кресло. Кажется, мое заверение в нежелании убивать его вместе с командой подействовало даже лучше, чем я рассчитывал. Дух с разбегу запрыгнул ко мне на шконку и требовательно потянулся к медальону Синергии. Я же, заглянув малыцу в глаза и мысленно пообещав поговорить с ним, лишь только останемся вдвоем, вернул вни-

мание Дону ЛаВега.

– Серхио, где мы? Что это за корабль и где он сейчас плывет? – от последнего слова мореход скривился как от лимона, но я продолжил, и не думая извиняться за «сухопутность» речи, – Куда вы держите путь? И, пожалуй, главное. Не могли бы Вы поподробнее изложить обстоятельства моего спасения?

– Что ж, вполне очевидные вопросы, требующие обстоятельных ответов. Однако же, давайте-ка мы с Вами пойдем несколько иным путем. Мои... эээ... – он смерил меня таким взглядом, словно спешно прикидывая, пойму ли я фразу сам, или лучше объяснить на пальцах, – капитанские дела, – ага, значит – на пальцах, – требуют моего безраздельного внимания. Так что я отвечу кратко, уж не обессудьте, сэр Сутро, – он хохотнул случайному каламбуру и тут же, опасно глянув на меня, улыбнулся виноватой улыбкой рассеянного добряка, – а затем покину Вас до срока. Однако же, стоит Вам позвонить, – кивок в сторону золотого плетеного шнура с кистью на конце, – и к Вам незамедлительно явится человек для услуг и бесед. Мы же с Вами встретимся уже сильно позже. Как?

Последнее требовало ответа, и я кивнул. Многословность и яркая манера капитана настораживали, или, во всяком случае, вводили в некоторый ступор. Снова на показ облегченно выдохнув, дон ЛаВега дал несколько действительно кратких, но все же емких пояснений, затем быстро и угловато, без

прежней грации поклонился и ушел, оставляя меня наедине с нелегкими мыслями и туманными планами совершенно непроглядного будущего.

– Птыц!?! Грымз!?!

– Вы не можете пользоваться почтой на данном этапе Вызова.

– С-сука-а!

К моменту, когда в каюту вошел сухой сгорбленный человечек в неуклюжем затасканном зеленом кафтане и того же цвета колпаке с красным отворотом, я уже знал от Духа почти все, что меня прежде беспокоило и был благодушен и улыбчив. Человечек торжественно внес вслед за собой, а вошел он спиной вперед, на вытянутой руке серебряный поднос с графином и невысоким пузатым бокалом. Графин даже в полутьме каюты выглядел очень дорогим, а его содержимое обещало оказаться чем-то по-царски изысканным.

– Ваша геройская милость изволит испить трав?

– Трав?

– Трав, Ваша геройская милость. Эльфья настойка, будь они прокляты, эти длинноухие себялюбцы-извращенцы. Ой, простите, Ваша геройская милость!

Человечек глянул на меня заговорщически, так чтобы сразу стало ясно, ни о какой оговорке тут речи и не шло, а горбун просто и незамысловато шупал границы. Полагая,

что у старика есть свои резоны хаять эльфов, а от меня не убудет, я милостиво улыбнулся.

– Они настаивают на воде из своих драгоценных родников, да пересохнут они все разом, травы, что растут только в их мерзопакостных мирах. Напитки выходят на диво вкусные и полезные. Думаю, только за то эльфью погань до сих пор и терпят все нормальные живые! Тьфу!

Человечек натурально сплюнул на пол, а затем, чудом оставляя поднос в абсолютном покое и равновесии, рухнул на колени и старательно стер плевок рукавом кафтана.

Колизей! Что здесь вообще творится?! Этот сморщенный и неловкий на любой взгляд горбун только что показал такие вершины искусства ловкости, грации и фантастического равновесия, что у меня не осталось ни малейшего сомнения, будь в том необходимость и из сального, вытертого рукава вынырнет смертоносное жало стилета ли, даги, но жизнь моя оборвется в тот же миг мгновенно, внезапно и для меня абсолютно незаметно.

– Кто ты человеке?

– Карл, Ваша геройская милость, Карл от слова карлик. Но я не карлик! – он зыркнул цепко и злобно из-под тяжелых черных бровей и тут же расплылся в улыбке, – мой народ Вам известен под именем гоблинов. Я гoblin, Ваша геройская милость, а мое родовое имя Вам не только ничего не скажет, но еще и язык поломатый будет, – Карл мелко, тонко захихикал, как видно, излюбленной шуточке.

– Будь по-твоему, Карл. Я – сэр Сутро, а никакая не милость, тем более геройская. Обычный человек, попавший в необычные обстоятельства. Договорились? – существо кивнуло, и я продолжил контакт, – Пожалуйста, поставь это на стол и составь мне компанию, если у тебя есть время.

Гоблин снова кивнул и поставил поднос на стол молниеносным жестом, не вызвавшим к тому ж ни единого даже звона или колыхания жидкости в графине. Все с той же скоростью и хищной грацией дикого кота оцелота он налил настойку в бокал и поднес его мне. Рука оказалась на удивление горячее, будто у человека, сгорающего в лихорадке, а касание столь невесомое, что я даже не сразу осознал его.

Первый же вдох терпкого, жгучего, но и леденящего, свежего аромата захватил, обволок и утомил разум. Глоток я сделал уже в полной внутренней тишине, какая обычно становится доступной мне лишь в серых глубинах Меню Колизея. Теперь я легко различал движения Карла, и это зрелище захватывало еще крепче, нежели даже аромат и вкус эльфьего снадобья. Я видел его. Карл – убийца. И это не оскорбление, не клеймо, а просто признание высочайшего искусства этого маленького притворщика. Мгновенная мысль потребовала быть высказанной.

– Ты сталкер, Карл?

Гоблин поднял на меня глубокие черные без белков блестящие глаза и долго-долго смотрел, не меняя ни позы, ни лица, не выказывая ни единого движения мысли, затем кив-

нул.

– Ночной охотник. Так мы зовем сталкеров. Но для Колизея нет разницы, что там думают себе какие-то гоблины, да и гоблины ли они вообще, – речь его изменилась, я всем сердцем сейчас чувствовал, что этот живой открывается передо мною, как давно уже не мог себе позволить. Он словно шагнул в пропасть, – Ненавижу!

Меня окатило волной идентичности, тонкого, но и всепроникающего чувства братства, сродства, кровной близости, единения. Я встал на ватных отчего-то ногах и поклонившись маленькому бессмертному мастеру представился.

– Меня зовут сэр Сутро МакСимбол. Я паладин крови, титан, богоборец, идущий дорогой мести тем, кто создал правила Колизея.

– Зови меня Карлом, друг, так действительно проще, – улыбнулся гоблин легко и открыто и протянул руку, – Я искал этой встречи уже больше тысячи стандартных лет, но, честно сказать, не верил.

– Тысячи лет? Но...

– Время – это то, чем Колизей истязает нас. Не покупайся на эту дешевую уловку, сэр Сутро. Мы встретились, а это куда больше, чем ответы на несущественные вопросы. Что тебе известно уже сейчас? Куда мы держим путь, друг?

– У Вас появился новый друг. Гоблин Карл. Сталкер. Список друзей дополнен.

– Пожалуй, присядь. Я не очень хорош в разговорах, так

повелось, потому боюсь, на рассказ потребуется время.

– Время... – Карл снова усмехнулся, обнажая ту бездну, что прогрызли в его бессмертной душе тысячелетия Вызовов, смертей и перерождений.

А что я в действительности знаю? Встреча с чудным и чудесным существом иной расы, иного мира, но несущим в себе совершенно такую же боль, заставила задуматься. Я был остановлен, словно расшалившийся ребенок, пойманный родителем за шиворот и помещенный до времени в угол: «Постой, чадушко, поразмысли».

В действительности важным сейчас стал казаться вопрос не «Кто?», а «Почему я?». Что во мне есть такого, чего не было во всех других остальных? Как случилось так, что на меня сыплется весь этот ворох заданий, друзей, Богов и небывалых спасений за миг до беды? Ну не верю я в божественную длань, провидение, фортуна. Не верю в избранность Нео, не верю в единственность Фродо, неуязвимость Гарри! Не-верю! Тогда, в чем дело?

И я стал разбираться, говоря вслух все, что приходило следующим на ум. Даже забыл о гоблине, а смертоносный малыш сидел тихонько на уголке моей лежанки и, сняв свой впитывал и не вмешивался. А меня захлестнуло, накрыло, поволокло. Я видел нити судьбы, ничерта не понимая, но точно зная теперь, что лишь чувствам и стоит верить. Я –

паладин, я чувствую, что правильно, а что – нет. Пусть думают остальные, я буду чувствовать! Это – мой путь.

Первая жизнь – наркоман и мелкий уголовник. «Что я вынес оттуда?» – вот верный вопрос. А ответ ведь прост, он на поверхности лежит. Оттуда я вынес одержимость. Мое перманентное безумие, моя способность воспламеняться от малой искры, которую сам же и выдумал. Именно это качество ведь и стало движущей силой всех значимых событий далее. А что далее?

Вторая жизнь. Тихий алкаш, не вынесший этой тишины, так и не сумевший жить размеренно и чинно, запивший и повесившийся так, чтоб ангелам на небе тошно стало. Что важного здесь? Бунт! Эта жизнь закалила во мне бунтаря, причем крайне принципиального. Назло можно даже башку себе оторвать зубами, лишь бы в пику!

Третий дубль. Путь силы, яркая счастливая жизнь умеренного и закаленного духа. И жертва без сожаления. Что здесь? Правда. Я с тех пор ее чую во всем. Я этому там научился. Я – паладин, умереть за правду – правильно!

Непримиримость. Здесь я нашел семью, научился слушать и слышать, играть в команде. Здесь я утвердился в навыке ставить общее выше личного.

Город – дружба. Чащоба – любовь. Этот скалистый остров в мире, название которого я даже не удосужился посмотреть – действие без надежды, игра ва-банк там, где другие уже давно скинули карты. С этого острова я вынес мысль, что

силу имеет только намерение, а выражено оно может быть лишь в действии. С этого острова я вынес себе Бога, Высшую Силу, с которой можно вести диалог на языке бесповоротных решений.

Что дальше. А дальше – здесь, в междумирии, в той черноте, что я видел за окном Личной Комнаты. Это океан вероятности в том виде, в котором живые могут им оперировать, пользоваться.

Кэп ведет свою баркентину «Рианнон» от мира к миру, покупая и продавая, оказывая услуги и получая их. Он живет уже вечность. Ему не светит жизнь героя, ему и так хорошо. За него все решил Колизей. Капитан Серхио ЛаВега, будь мы сейчас в компьютерной игре или в одной из тех книг в жанре ЛитРПГ, что я слушал, во второй жизни, валяясь пьяным на диване, капитан мог бы называться неписью, синтетическим персонажем, чью роль отыгрывает искин – искусственный интеллект игры.

Почему я здесь? Когда мои силы кончились, Дух использовал свои накопления и, превратившись в титанического пса, донес меня до палубы корабля в пасти. Там он чуть уменьшился в размерах, прошел в капитанскую каюту, сложил меня на лежак и сам свернулся клубочком в ногах, если так можно сказать про псину почти трех метров в холке. Ни его, ни меня не тронули. Для Серхио и его команды это – вопрос чести, для Колизея – движения сюжета. Меня просто не могли тронуть.

Здесь мы и встретились с Карлом, который ходил личным слугой Серхио ЛаВеги под флагом серебряной девы, плывущей в лодке-луне по черному бархату пустоты. Ходил уже больше тысячи лет в ожидании встречи со мной. Таков его Вызов. Вызов, полученный гоблином одну тысячу сто тридцать семь с копейками лет назад. Вызову с названием «Боль Титана. Глава 1. На берегу холодных вод»!

Что я вынес отсюда? Очевидно! Меня ведут. Вели изначально и будут вести, так что лучшее из моих решений на сегодня – просто быть, чувствовать и идти тем чувством. Иного все равно не дано, так на кой же ж ерепениться? Избранность? Ну... такое. Просто я в достаточной мере безумен, в достаточной – одержим, справедлив, влюбчив и прочее, прочее, прочее, что я не только не способен учесть, но даже и узнать, и понять. Я просто наиболее удачный вариант, вот и все. Стоит ли о том скорбеть? Риторический вопрос...

– Все верно, младший брат. Просто плыви и течение вынесет тебя к берегам твоей мести, твоей любви и твоей смерти. Так?

– Так! – не задумываясь ответил я моему новому другу и отдался покою.

Глава 3

Кому-то тесен мир, иным уютна келья,
Не мне судить твои следы в пыли,
Но горестно терпеть чужих пиров похмелье,
С чужих каштанов разгребать угли.
Я новый мир своей мечты добуду
Из рук творца, но не мольбой калек,
Не глупой верой в маленькое чудо,
Но гордостью за то, что человек!
Воздвигну трон и с этой высоты
Прижму к ногтю чужие ум и волю,
И ни закон, ни Бог, ни он, ни ты,
Не властны над моей судьбою боле,
Но я отныне вам – и Царь, и Бог,
А вы – ничтожество, вы – только грязь у ног.

Карл ушел, а я остался сидеть и размышлять, лишь в глубине надеясь, что капитан не явится прямо сейчас. Мне нужно время, нужно пространство, все слишком запуталось. У меня нет сил принять происходящее вот так, без раздумий, без торга, я – человек, в конце концов, просто человек.

Что мы имеем? Меня подобрали даже не случайно, а ско-

рее помимо воли. Если бы не прямое вмешательство Колизея в действия капитана ЛаВеги, меня оставили бы умирать в ледяных волнах последнего естественного водоема Террановы, мира-мегаполиса, мира всеобщего благоденствия. Во всяком случае так мне пересказал подоплеку моего появления на «Рианнон» мой новый низкорослый друг ассасин.

Серхио ЛаВега, увидев огромную псину с человеком в зубах, подплывающую к его баркентине, отдал приказ срочно открывать портал и уходить в междумирье, однако портал попросту не открылся до тех пор, пока Дух не выбрался на палубу. У Карла в этот момент, кстати говоря, выполнилось условие «Встреча с богоборцем».

Торговая Лига – это организация или целый отдельный мир, как посмотреть. Основу составляют такие вот как Серхио бессмертные мореходы, привязанные к своим кораблям какими-то внутренними законами Колизея. Во главе стоит, однако, совет героев, однажды выбравших для себя мирный путь познания: путешествия, дипломатия, торговля.

Карл, хотя и являясь по моим меркам невероятно древним существом, понятия не имеет, когда Лига была учреждена и кем, почему возглавили ее герои, а основной контингент составила, прости Колизей, непись.

Лига никогда не участвует в войнах, никогда не выбирает сторону и всегда четырнадцатикратно возвращает нанесенный ей урон. Всегда! Не важно, было ли покушение случайным или целенаправленным, придется ли мстить един-

ственному разумному, способному затеряться в бесконечности миров и пространств, или огромной империи. Торговая Лига мстит всегда.

Откуда такие ресурсы? Да все просто. Во-первых, никто в здравом уме не захочет с Лигой враждовать. Во-вторых, любой житель любого мира, будь он герой или обычный смертный, кому еще только предстоит умереть и проверить, годится ли он в герои, не глядя отдаст что угодно за саму лишь возможность получить приглашение от торговцев выполнить для них задание. Лига платит, и в этом никто не сомневается. Ну и в-третьих, вся торговля между мирами Колизея осуществляется через Лигу. Вся!

Они почти что боги, неуязвимые, всемогущие и вездесущие. Торговая Лига имеет монополию на порталные перемещения между мирами. Только им известен секрет навигации в междумирье. Только у Торговой Лиги на службе стоят бессмертные существа – капитаны со своими межзвездными парусниками.

Итак, я на корабле, который можно считать одним из самых безопасных мест в мирах Колизея и меж ними. Я здесь неслучайно, хотя, однако ж, это не ничем совершенно помочь мне не может, если следовать за логикой происходящего, так все и было, и будет неслучайно. Но! Но действовать необходимо. И лишь от меня зависит, каковой станет та неслучайность, в которой мне доведется поучаствовать.

Карл просил не раскрывать его инкогнито и продолжать

видеть в нем просто служку на побегушках, неуклюжего зеленого болвана, но никак не героя и друга. Дух наконец угомонился и улегся спать в изножье шконки, а я отправился на открытое пространство, полюбоваться видами и попробовать отловить Серхио еще на пару вопросов.

Колизей! Как же огромен мир! Как упоителен воздух междумирья и насколько невозможно прекрасен этот живой черный бархат, расшитый дивным узором бесконечности миров, вероятностей и вариаций одного и того же крошечного события!

Над мачтами, над туго набитыми ветром пустоты парусами и над полощущимся, будто в ураган стягом капитана Ла-Веги раскинулась мозаика миров. И миры эти не плывут, они несутся в невообразимом беге, оставляя в теплой благоуханной пустоте цветные росчерки. Словно свет может ненадолго увязнуть в ворсинках бархатного платья Богини Ночи, как если б искусная вышивальщица вплела в свое творение лишь несколько мгновений видимую нить. Как будто глаз увидел целиком жизнь мира от рождения и до заката. Я оперся о центральную мачту, чтобы, задрав голову, благоговейно безмолвствовать.

– Вы так очаровательно юны, открыты и непресыщенны, драгоценный мой сэр Сутро, что истинное удовольствие составляет одно только наблюдение за Вашим фантастическим восторгом. Мне кажется, что этой эмоцией я насытился теперь на добрую тысячу лет вперед! Благодарю покорно, сэр

Сутро! Будьте уверены, Ваш билет оплачен, – как-то заговорщически улыбнулся кэп, а я не устоял от очередной преувеличенной реакции, на этот раз – удивления, – Ох! Еще и это! Благодарю-благодарю! Не знаю даже, откуда Вам известны мои предпочтения, но сейчас я даже готов выполнить почти любой Ваш заказ на доставку Вас, либо Вашего груза!

Сказать бы, что я был обескуражен, да это не выразит ничего вообще. Ощущение было, словно мной только что воспользовались в том самом смысле, потом игриво шлепнули по заднице и чмокнули в благодарность... Фу! Колизей! Что это за мерзопакость?!

Видно мое лицо не переставало семафорить на всю округу о моих чувствах, ибо капитан смутился и стал извиняться. Именно на этом моменте я и пришел в себя достаточно, чтобы подловить стервеца на чувстве вины и потянуть за эту золотую ниточку.

– Как Вам не стыдно, Дон ЛаВега?! Вы пользуетесь мной так, будто купили себе портовую девку и теперь куражитесь. У меня стало рушиться представление о Вас!

О! какое сладостное чувство эта ваша месть! Капитан залился краской и стал мямлить, а я, как опытный рыбак стал тянуть уже без снисхождения, подводя под драгоценную рыбину свой подсак.

– У меня, конечно, как и любого делового человека есть потребность в путешествиях и тем более, как Вы утверждаете теперь бесплатных. Но... Серхио, – я понизил голос, до-

бавляя еще укоризны, еще недоумения, еще разочарования, боли и недоверия, – я даже не знаю, чего еще ждать от Вас теперь... На что Вы пойдете ради... – тут я смешался на показ, давая рыбке самой и зайти в подсачек, и насадиться на кукан, и даже румяно обжариться.

– Нет-нет, сэр Сутро! – затараторил Серхио ЛаВега, как пойманный за удушением змия прыщавый пубертат, – Вы совершенно не верно истолковали мои слова! Позвольте я все объясню?!

Он смотрел на меня нашкодившим котенком, так что, помучив его еще чутка для остратки, я-таки сделал милость еле различимо кивнуть. Дон ЛаВега выдохнул, снял треуголку, оперенную цаплей, утер пот со лба и принялся за свои разъяснения. Мне же оставалось кивать многозначительно и молиться всем Богам, чтобы на лице не отразились мои истинные чувства.

Цена бессмертия – привязка к кораблю. Только в портах Серхио может сойти на берег и посетить интересные места. Еще на верфях междумирья, что принадлежат дварфам, да на искусственных субмирах, болтающихся в черноте, будто заправские космические станции, и станциями же, собственно, и именуемых. Все они – перевалочные пункты, мастерские, торговые хабы. Периферия, инфраструктура гигантского механизма торгового дела по имени Лига.

Душа разумного по словам Серхио сохнет от такой жизни. Полагаю, здесь – его собственные заключения, но, однако ж, и уверен, что с испугу вечный капитан показал мне исподнее этой могучей махины, везущей свое благополучие на плечах таких вот донов ЛаВега.

Так вот, это самое иссушение души невозможно утолить ничем, кроме искренних эмоций другого разумного. Однако ж, что в портах, что на станциях и верфях народ настолько древний и знает друг друга так давно, что малейшая даже улыбка не прорвется на застывшие уже тысячи лет назад в гримасе безразличия лица. А безразличием сыт не будешь, оно-то как раз и сушит. Вот и охочи капитаны до новых знакомств. Но и о своих пристрастиях помалкивают, чтобы не оказаться в ситуации, где прежде бесплатный смех им станут сбывать по цене нового никем не занятого перспективного мира с ресурсами.

Прильнув же, как сказал кэп, к дивному сосуду ярких чувств, он слегка захмелел, вот и стал вести себя как необузданный юнец, впервые задравший девке юбку. В общем, в итоге я не выдержал и рассмеялся, а потеплевший вмиг дон ЛаВега ткнул пальцем в огромный желто-коричневый шар, окутанный облаками и величественно вращающийся в непроглядной черноте на фоне бусинок других миров.

– Сейчас туда идем. Это Величие – столица фронта экспансивного воинственного конгломерата миров по имени Престол. Мы везем им энерго-кристаллы, а оттуда забираем

рабов для миров, не способных самостоятельно брать с боя живую силу.

– Работоторговля не запрещена? – я был удивлен и даже несколько разочарован.

– С чего бы? – искренне изумился кэп.

– Это живые и их жизни, а не какие-нибудь энерго-кристаллы! Как можно продавать их, словно пирожки на ярмарке?!

– Энерго-кристаллы – тоже не пирожки, а тела некогда разумных, а теперь мертвых кристаллидов. Охота на них не прекращалась с тех пор, как было выяснено их главное свойство – накапливать миллионы тераватт электроэнергии. А с недавних пор, всего с десятков тысяч лет, их выращивают в питомниках.

Видя, как округлились мои глаза и сжались в бессильной ярости кулаки, Серхио улыбнулся и, похлопав меня по плечу признался:

– Да пошутил я, – мне стало много легче, но лишь на мгновение, ведь он тут же продолжил, – нет никаких питомников, разумеется, они же не флаксы и не псевдодракониды. Просто охотники отслеживают их пути, находят поселения и выбивают под корень. Одно гнездо кристаллидов способно обеспечить безбедную жизнь охотничьей ватаге лет на сотню, не меньше! – последнее он произнес с неким даже уважением, и было видно, что для капитана такая цена за убийство живых – самый что ни на есть извиняющий повод и отличный

мотиватор.

– Это отвратительно, Серхио! Я понимаю, что столько миров не могут иметь единую мораль, да к тому ж и страдать излишним гуманизмом, если тебе известно это слово. Но торговать чужими жизнями – это перебор на мой вкус.

– Ты верно подметил, сэр Сутро, – кэп как-то легко и непринужденно перешел на «ты», но и сохранил дистанцию, – бесчисленность миров – бесчисленность законов. Я живу по слову Торговой Лиги и вне ее не существую, – он развел руками, давая понять, что себе не хозяин, – Начни я страдать по убиенным кристаллидам или несчастным рабам в моих трюмах, и жизнь моя превратится в ад, если тебе известно такое слово. А умереть я не могу...

Он поднял взор от скобленных до бела досок палубы и посмотрел мне в глаза долгим взглядом умудренного сотнями тысячелетий... раба! Он – раб! Ему нельзя жалеть тех, что едут в свое рабство на его плечах, иначе ему придется сожалеть и о себе. А для бессмертного, не способного даже умереть, это недопустимо.

– Простите, дон ЛаВега! Простите ради жизни, я не подумал. Для меня здесь все внове. Я не ханжа и не подлец, просто новичок со своими наивными суждениями. Прости меня, Серхио... друг.

Не знаю, как так случилось, что это «друг» вырвалось из меня, я ведь даже и не подумал бы иначе записывать это поистине странное существо в друзья, слишком непостижима

и непреодолима между нами пропасть тысячелетий, но...

...Капитан Серхио ЛаВега сейчас выглядел так, как если бы прямо на поминках из могилы поднялась его собственная бабушка, живая и цветущая как прежде, да не с пустыми руками, а с целым подносом пирожков на новеньком ею расшитом рушнике.

— Так не бывает, но, видит жизнь, кто я такой, чтобы спорить?!

Он, все так же неверяще глядя на меня, медленно с шипением достал из ножен на боку узорчатую дивной работы шпагу, зажал ее граненый клинок в кулак у самого основания и резко выдернул, высвобождая алый веер брызг. Окровавленную ладонь Серхио протянул мне с улыбкой и невозможными для древнего существа детским прищуром и искорками.

Ну, не впервой, чего уж там. Я отворил жертвенным кинжалом кровь в правой ладони и пожал руку капитана, даже не представляя, чего ради сейчас творится ритуал. А представить пришлось. И даже очень пришлось.

В глазах потемнело, палуба ушла из-под ног, и я рухнул кулем, а рядом свалился так и не разжавший руки Серхио ЛаВега. Веки закрылись и передо мною поплыли строки самых невероятных сообщений из всех, что мне пока что доводилось видеть.

— Вы назвали другом существо, связанное клятвой крови с

Торговой Лигой. Дружба невозможна. Список друзей дополнен не будет.

– Вы собираетесь провести кровавый ритуал дружеской клятвы. Для освобождения существа, уже связанного клятвой крови необходимо вложить в ритуал больше ОДП, чем было вложено в действующую клятву, но не менее $1.0000000001 \cdot 10^9$ ОДП.

– Вы подтвердили списание $1.0000000001 \cdot 10^9$ ОДП с Вашего счета.

– Недостаточно ОДП

– Ваше намерение чисто и непреклонно.

– Богоборец, ты идешь по своему пути и ничто не может противостоять тебе! Колизей склоняется перед твоей волей. Со счета списано $1.0000000001 \cdot 10^9$ ОДП. Текущий баланс $-0,999994531 \cdot 10^9$ ОДП. До погашения долга, Вы становитесь собственностью Торговой Лиги, как и Ваши друг.

– У Вас появился новый друг. Человек Серхио ЛаВега. Маг Пространства. Капитан. Список друзей обновлен.

Это конец! Конец всему... Выплатить миллиард ОДП! Да как такое вообще могло произойти?! Глаза дона ЛаВеги сейчас говорили о замешательстве столь явственно, что мне даже в голову не могло бы прийти обвинить его в произошедшем. Он увидел свой шанс и ухватился за него. Что тут странного-то? Вопрос в другом. Колизей явно играет против собственных правил, и теперь я попал в переплет куда более

серьезный, чем мог даже предположить. Что, черт его дери делать-то?!

– Прости, друг! – на глазах кэпа были слезы, он отер лицо и недоуменно посмотрел на влажную ладонь, – Прости, и спасибо тебе! Клянусь, моя жизнь – твоя навеки вечные!

Мне захотелось надавать экспрессивному статысячелетнему оболтусу по щекам. Я отчетливо видел, что он делает сейчас то же самое, что однажды уже провернул со своей жизнью. Однако ж сделать я уже ничего не мог, клятва дана, и Серхио окутался на миг карминным коконом, получая сообщения о принятой клятве. Но он не выглядел расстроенным, кэп был счастлив.

– Мы что-нибудь обязательно придумаем, мой друг! Маг пространства и паладин крови! Мы возьмем самые сложные поручения Лиги, мы станем мстящим кулаком, омытым кровью врагов. Жалкий миллиард мы выплатим с тобой за какую-нибудь тысячу лет, будь уверен!

От его слов мне стало так грустно, что я бы решил даже, будто большая грусть и невозможна, если бы не следующее сообщение:

– Торговой Лигой принято решение о продаже Вас и Вашего связанного клятвой друга Иерархату Престола Пантагареи за $1 \cdot 10^9$ ОДП. Сумма долга обновлена. Выплатите $1 \cdot 10^9$ ОДП представителю И.П.П. на Величии и продолжайте свой славный путь мести Богам Колизея!

– Сука! Так вот же ж в чем дело! Это не Колизей, это гребанные Боги! Ну конечно же! Твари бессмертные! Я выберусь, я найду вас, я растопчу ваши лица, сотру имена, уничтожу саму память о вас, мерзкие трусливые подлые твари!

Я прокричал это на одном дыхании, чувствуя, как Ненависть, великая Ненависть захлестывает меня, наполняя вены жидким огнем. Я поднялся на ноги и погрозил черноте кулаком, а перед глазамиплыли строки новых и новых сообщений. Но мне было сейчас не до них. Я вдруг понял, что ненавидеть тоже надо уметь. Ненавидеть – тоже дело, и Ненависть с большой буквы вполне может стать великим деянием всей жизни, путем, способностью, талантом, самой кровью кровавого паладина!

– *Вы создали новое свойство «Титан Ненависти».*

– *Титан Ненависти. В состоянии осознания как вещиственности бытия Богов, так и энергетической составляющей Вашей к ним ненависти, Вы накапливаете ОДП в зависимости от интенсивности чувства, чистоты осознания и протяженности действия свойства.*

Далее были бесконечные обновляющиеся каждый миг статусы пополнения кровавого баланса и списания ОДП в пользу некоего Пистаччо Крапуцци – Первого Иерарха Величия. Эти сообщения лишь разжигали мою ярость, так что через минуту я уже ничего не видел и не чувствовал, кроме

этих окрашенных кармином крови строк, кроме уплывающих от меня ОДП, тут же конвертируемых Колизеем в ЭнергоЕдиницы – единую валюту всех миров.

Я плыл в бесконечном неоглядном океане чистейшей кровавой Ненависти, ясно осознавая, что сейчас делаю огромный взнос в казну мира, не занятого белее ничем, кроме войны и торговли награбленным, в том числе – рабами.

Я осознавал собственное рабство, и вину в том Богов Колизея. Я видел миллионы лет рабства Серхио ЛаВеги и приговаривал проклятых божеств к новым карам прежде смерти. Я Ненавидел и клялся выплеснуть свою Ненависть волной очищающего пламени для начала на миры Престола! А затем меня вернули в тело.

Жестокий удар ногой под ребра переломал кости и перемешал внутри все органы. Тело скрючилось в бесконечном спазме, пытаясь вывернуться наизнанку, а голос над моей головой прокаркал: «Хрен тебе, а не расплатиться раньше времени. Не знаю, что у тебя там за свойство такое, но и мы не из дерьма слеплены!». Затем на голове у меня защелкнулся обруч, весь изнутри утыканный острейшими шипами, тут же ввинтившимися в кость и засевшими там намертво. В этот миг перед мысленным взором мигнула и растворилась без следа последняя запись:

– Остаток долга 1.832.756 ОДП. На Вас надет нуль-предмет. Связь с Колизеем прервана. Снимите нуль-предмет

для восстановления связи.

А вот теперь точно все! И ведь я почти что расплатился. Оставалось каких-то несколько секунд! Боги, вам пиз...

Последнее, что я услышал, прежде чем окончательно потерять сознание – глухой звук удара и хрип Серхио в ответ. Что ж, во всяком случае он тоже здесь. Но где же Карл?..

Маленький сгорбленный силуэт выскользнул между всех этих снующих туда-сюда нерасторопных громил-ротозеев и растворился в темноте портовой улочки. Ситуация резко изменилась, как, впрочем, и описание Вызова. И каким только разом этот новорожденный Титан умудряется из одного дерьма нырнуть в следующе даже без перерыва на вдох?! Да какое дерьмо-то! Прямо царское дерьмище, императорское!

Карл, а гоблин давно привык звать себя этим человеческим именем, напрочь прилипшим к древнему сталкеру, как вторая кожа, поднялся по стене ближайшего дома на крышу и стрелой рванул верхами из портовой зоны в общую – зону самого мира Величие. Порт и его окрестности принадлежат Лиге, контролируются Лигой и к миру лишь примыкают эдаким шлюзом, но, однако даже, не являются его частью.

Когда через десяток минут неслышного и невидного обычным живым бега за спиной осталась серая пелена перехода, гоблин остановился и, оглядевшись, забился в углуб-

ление стены нулевого яруса, прикрытое от посторонних глаз огромной кучей мусора. Тут же напротив него повис свиток письма и взятое как-то с дуэли перо феникса заскользило по еле светящейся поверхности, составляя срочное письмо:

«Бродяга!

Я – на Величии. Титан – в рабстве. Слежу. Но один против целого мира не танцует. Даже я.

Требую встречи! Если не согласен, вспомни Твердь Небес. Жду одни стандартные сутки.

P.S. Прости за шантаж.

Твой верный друг, Тень!»

– Дурында!

Рядом из темного угла выбралось двумерное существо ни на что из того, что Карл за жизнь успел повидать, не похожее. Оно ухватило зубами письмо, явно нарочито прихватив до крови и палец гоблина, и с тихим раздраженным «мяв» скрылось в тенях.

– Вот же гадость. Хотя, зная Бродягу, совершенно не удивительно, – проворчал Карл и с теплой улыбкой на сморщенном остроносом лице позволил воспоминаниям о друге захлестнуть его, пока ноги сами несли невидимого и неслышимого обычным живым сталкера обратно – крышами и закоулками сначала в порт, а затем – вслед за конвоем, уносящим с «Рианнон» груз энерго-кристаллов и два безжизнен-

ных тела.

Глава 4

Яма полна темноты, а ты
Все же в нее попал,
Глупо нырнувший на зов мечты
В самую глубь зеркал.
Ты – просто маленький солнечный луч,
Крохотный отблеск звезды.
Мрак – это враг, холоден и тягуч,
Спрятал тебя. Где ты?
Где твоя сила? Твое тепло?
Где твой небесный свет?
Глупо нырнувший звезде назло
Сгинул, тебя больше нет.
Или найдешь тот единственный путь,
Или тебя не вернуть!
Или светись, или забудь
Суть.

Первое, что я сделал, вновь осознав себя, попробовал открыть Меню. Глухо. Боль раскалывает череп на тысячи осколков, каждый из которых продолжает болеть самостоятельно.

«Черт! А что с Духом?» – мысль ошпарила кипящим маслом, зашкворчала и жутко завоняла горелой плотью. Хотя... Нет! Запах... Это – действительно запах!

Заставив себя наконец-то открыть слезящиеся от боли и истощения глаза, я вдруг понял, что прежде никогда не боялся. Передо мною развернулась картина Ада, где черти пытают огнем, железом, смолой и маслом грешников, жутко хочоча и переругиваясь на каркающем мерзком наречии.

Я сижу у стены прикованный к ней бутафорского вида кандалами, уж слишком они избыточно массивны и неправдоподобно архаичны. Рядом со мною Серхио во все глаза таращится на окружающую нас преисподнюю и, кажется, не то что не напуган, а наоборот, дай ему волю, станет плясать и прыгать от счастья, как малыш, получивший-таки на рождество щенка.

Повернувшись в возбуждении, компаньон рассматривает меня с неподдельным восторгом, чтобы затем окончательно сбить с толку.

– Спасибо, дружище! Я уже и не надеялся ощутить хоть что-то в этой осточертевшей пустой нескончаемой жизни. А здесь и страх, и ужас, и отчаяние, и удивление, и безвыходность! Представляешь, я сам лично ощутил любопытство! А еще – тревогу за тебя, благодарность, вину! О, Колизей! Я словно вернулся в те времена, когда был свободным капитаном и не проиграл мерзком Грабеку Полгривны собственную жизнь.

– Ты как будто доволен... Мы в плену и скоро, вероятно, разделим судьбу тех бедолаг, – я не был настроен поддерживать восторги кэпа и указал ему кивком на то, от чего кровь в моих венах сначала превратилась в кисель, а потом и застыла навовсе, леденя прежде объятые жаром тело.

С чего начать? Глаз цепляется за все подряд. Каждая новая деталь становится объектом одержимости. Не существует, кажется, возможности отвести взгляд, пока вдруг новая душераздирающая подробность не вонзается прямо в мозг, раскаленной иглой пронизывая зрачок.

Разумные, в основном все-таки люди, хотя кажется я видел и пару острых ушей, и зеленоватую кожу, но мало ли что может показаться в аду. У каждого на голове тот же обруч, что у нас с Серхио, но снаряженный еще и крупным, в локоть длиной и кулак в объёме кристаллом в мощной оправе. Получается эдакая корона мученика, увенчанная к макушке светящимся камнем голубовато-зелёного цвета.

Каждый из живых иступленно безнадежно воет под изверскими пытками. К каждому приставлено по два-три личных палача с инструментами и шприцами, чтобы не смог сбежать под крылышко к Танатосу. Те, кого я с перепугу принял за чертей – люди, обнаженные, облаченные в кожаные фартуки, рукавицы и прозрачные маски-щитки. Все сплошь в крови и поту. Лица сосредоточенно-удовлетворенные, вдохновенные.

Истязаемые раздирают глотки, и с каждым оборвавшимся

ся на высшей ноте воплем их кристаллы вспыхивают новым следующим уровнем яркости. Когда свечение камня становится ровным и достаточно насыщенным, его изымают из короны, заменяя новым, пустым. Колизей, да будь ты проклят! Энерго-кристаллы... Это же... Это... электростанция!

Меня охватил настоящий ужас. Вот теперь настоящий! А звонкий восторженный голос капитана тем временем сверлил мозг уже новой порцией вербализованного безумия, преподносимого, впрочем, как благо небесное.

– Нет, дружище, что ты, не разделить нам их судьбы! Ну кто ж, скажи, станет расходовать бессмертных на такое вот пустое дело, как энергоснабжение? Глупость ты говоришь еретическую! Нас к какому-нито прибыльному аттракциону приспособят с тобой. Чтобы заработок шел лично тому хитровану, что урвал наш должок у Лиги. Думаю, засунут или в Лабиринт, или на нейро-скачки, а может и на бои даже. Так или иначе, но развлечемся мы с тобой перед смертью, что ух! Аж дух захватывает!

Я одарил ЛаВегу сначала испепеляющим взглядом, затем недоуменным, а после уже и скорбным, полным сочувствия. Мне вдруг стало совершенно ясно, что от ужаса, от утраты свалившейся, было, на него свободы он лишился рассудка. Сам же капитан взгляд мой истолковал совершенно иначе и ударился в разъяснения, от которых мне окончательно сплехло, а потом уже и как-то даже безразлично все стало.

В принципе, и правда развлечемся перед смертью так, что

чертям в аду не по себе будет. Причем не важно, куда нас определяют, любое из развлечений толпы, щедро сдобренных наркотиками и азартом тотализатора, нас неизбежно убьет. Разница лишь в том, какие именно приключения отправят двух некогда бессмертных, а теперь лишенных связи с Колизеем неудачников в небытие, на окончательную, последнюю смерть.

Почему последнюю? Да потому что кто бы им, тварям позволил так развлекаться, если бы герои после смерти возвращались мстить. А они бы возвращались! Однако, на каждую бессмертную душу найдется свой меч-кладенец. Нуль-предметы, или нуллификаторы, гасилки, уравниатели, да как их только не зовут, есть в продаже в каждом плюс-минус крупном мире. Эта дрянь отрезает героя от системы настолько крепко, что даже момент смерти не фиксируется. А когда сильно позже с тела прибор снимают, и Колизей выясняет факт гибели героя, вернуть его к жизни оказывается уже невозможно.

Та составляющая, что наделяет органику, псевдоорганику и даже электронику, либо просто плазму способностью воспринимать, осознавать, чувствовать, иным словом – жить, та незримая субстанция, что некоторыми зовется душой, а в терминологии Колизея значит как Индивидуальное Осознание, может быть перехвачена и водворена в новое тело лишь непосредственно в момент смерти.

Итак, нам предстоит умереть. Что ж, не худший вариант,

если честно, хотя я в последнее время и успел приобрести некоторый вкус к жизни. Жаль терять то, что замаячило на горизонте. Я имею в виду любовь, дружбу, веселые пирушки, бранную славу. Жалко и... Да черт возьми! Я не хочу терять это! Я – титан, богоборец. Брошенный мною вызов принят Богами Колизея! Так не ужели ж какие-то мелкие местечковые негодяи смогут пресечь мой путь?!

Ярость! Есть такое слово, и по моему глубокому убеждению оно просто обязано писаться с большой буквы и с восклицательным знаком, ибо всегда имеет лишь превосходную форму. Вот и во мне сейчас закипела Ярость! Мгновенно, без предупреждения, без разогрева и подготовки я полыхнул и на миг, на один мимолетно короткий миг ощутил связь... с Колизеем. Это мизерное ничто, это несуществующее почти мгновение породило целую лавину событий. И первым в их ряду, а может быть даже и нулевым, тем, что движется на самом острее времени была быстро затухающая, но такая важная, меняющая ход игры на корню фраза на внутренней поверхности век.

– Боги ненавидят, когда кто-то играет в их игрушки! Титан, ты преодолел ноль-барьер, и Боги услышали твоё возмущение. Ты заслужил уважение предвечных властителей Колизея!

– Привязка осуществлена. В случае гибели Вы будете немедленно возрождены на месте без потери времени, ору-

жия, ОИ и ОДП. Рассылка алерт-маячка осуществлена по всему списку друзей.

– Удачи, богоборец!

После такой новости все остальные уже не имели никакого значения. Я повернулся к Серхио и, улыбаясь от уха до уха разбитым в кровь ртом, прокричал так громко, чтобы он точно слышал сквозь все удары, что посыпались на нас от набежавших на вспышку демонов: «Ты только не сдохни, Серега! Нас вытащат! Я нас вытащу!». А потом мир снова ухнул в черноту.

Бывают неудачные дни, когда все валится из рук. Любимая чашка опрокидывается ровно на белый джемпер и, оставив невыводимое пятно, разлетается вдребезги по всей кухне. На выходе из спальни спотыкаешься о собственные тапочки и роняешь поднос с остатками вчерашней ночной трапезы. Все светофоры – красные, все лица навстречу – злые и неприветливые, ты безнадежно опаздываешь, а шеф именно сегодня не выспался и только и ждет, на ком бы сорваться.

Конечно, подобная мелочевка не могла бы испортить день Первому Иерарху Величия Пистаччо Карапуцци. Но, однако, и у этого могущественного существа, наделенного невообразимой властью над жизнью и смертью десятков миллиардов, сегодня был неудачный день. Кого другого подобные проблемы попросту б раздавили, но Пистаччо Липкие Паль-

цы считал весь свалившийся на него сегодня бардак просто неудачным днем.

Почти два центнера величия и самодовольства, Первый Иерарх сидит за огромным столом из натурального дерева ценою в изрядный квартал на сотых ярусах, причем вместе с жителями. Он медленно прихлебывает из настоящей фарфоровой чашечки Синтесвет – бесценный препарат, наркотик высочайших Нобелей Престола.

Синтесвет – единственное, что способно поддерживать в последнее время хотя бы какое-то подобие жизни в Иерархе Карапуцци, овеществленная вытяжка жизненных сил разумных, убитых под пытками. Этот препарат запрещен везде под страхом смерти, он производится как побочный продукт на станциях обогащения, где от рабов заполняются энерго-кристаллы, питающие мир. И, конечно же, одним из его постоянных потребителей диаволову сотню лет назад уже стал и сам провозгласивший запрет Иерарх.

Ничто на Величии не проходит мимо него, все липнет к алчным его рукам, вот и «Жидкий свет» прилип, да все не отлипнет никак. А сегодня просто кошмарно неудачный день, так что без света вообще никуда. Маслянистый блеск глаз сказал бы знающему живому много, но в кабинете никого нет. Сегодня слишком неудачный день, чтобы еще и принимать посетителей.

Сделав еще один глоток живительной влаги, Пистаччо откинулся всей своей необъятной тушей в услужливых объ-

тиях гравикокона, прочно заменившего ему и кресло, и кровать, и ноги. Можно, конечно, снова пройти процедуры, всего-то день реновации, но Иерарх давно и безнадежно разочаровался в них, ибо вес из-за света вернется за какие-то месяц-два, а снова ощутить надежду и потерять ее... Можно, но зачем? Ему есть чем заняться.

Волна блаженного расслабления прокатилась по грузному телу, напитывая силой каждую усталую его клеточку. Пистаччо Карапуцци выдохнул, потер лицо руками и вернул себя в сидячее положение, чтобы с удивлением и даже... страхом?.. узнать, что в кабинете он больше не один. В кабинете, охрана которого осуществляется такими же силами, что и в самой Столице столице – Оплоте Пантагритаре!

Мгновение спустя страх схлынул, уступив место привычному надменному безразличию. Однако же память об этом постыдном опыте никуда уходить не торопилась и прямо-таки засела в голове, поселилась, скользким холодным гельминтом прогрызая саму природу Иерарха. Поэтому человек, стоявший сейчас перед ним был уже обречен, хотя и не знал о том. Смертник!

– Кто?! – прогремел владыка жизни и смерти, просеивая в то время память в попытке вспомнить лицо самостоятельно.

– Проситель, Ваша Милость.

Проситель? Без объявления, если равный? Без записи, если ниже по статусу... Без секретаря, охраны и прочей бесчисленной челяди, неотлучно толпящейся за дверью? Про-

ситель, в одиночестве и беззвучно вошедший в личный кабинет Высшего?

– Как ты вошел сюда?

– Постучал, дверь открылась, я вошел. Разве что-то не так, Ваша Милость?

Невозможно стать Первым Иерархом столичного мира в перспективном пограничье, не имея привычки прислушиваться к чувствам. А еще не имея тревожной сигнализации, срабатывающей не только от ментальной команды, но и автоматически по широкому ряду физиологических маркеров. Охрана, которая так же обязательна, как и незаметна стороннему наблюдателю, реагирует на тревожный сигнал мгновенно. Не за секунду-две, не в кратчайшее время, а именно что мгновенно.

Локальные свертки пространства могут поддерживаться одним энерго-кристаллом около трех стандартных суток. Именно столько длится вахта каждого сменного десятка воинов Первой сотни. Срабатывание сигнализации мгновенно выпускает из подпространственного кармана десять лучших бойцов Престола, готовых незамедлительно выдернуть подопечного из смертельной ловушки, если потребуется, положив на то свою и не только свою жизнь.

Сейчас бойцов не было. Должно бы, но... нет. Однако ж, невозможно достичь вершин власти, не умея делать хорошую мину при плохой игре, как, впрочем, и чувствовать, когда эта самая игра вдруг становится плохой. Что-то слома-

лось, явственно и фатально, но это что-то могло быть чем угодно, кроме воли Первого Иерарха.

– Все так... все так. О чем твоя просьба?

– Ваша Милость, я прошу немного справедливости и капельку внимания, – человек не выглядит ни смятенным, ни хотя бы смущенным, он расслаблен и спокоен настолько, насколько только и может быть безмятежен равный, а то и сильнейший.

– Я весь внимание.

Невозможно оставаться у власти сотни лет, не имея хотя бы элементарного навыка следовать за тоном и ходом беседы, не умея подстраиваться и перекраивать речь на ходу, не будучи гибким. А Липкие Пальцы был гибким, он был в высшей степени текуч, в превосходной мере изменчив, непрерываемо чувствителен к самым неразличимым мелочам. Сейчас он точно знал, что говорит лицом к лицу со смертью и жив только пока продолжает гнуться и уступать. Возможно, конечно, случится чудо, его гвардия все-таки появится и... но на эту карту Первый Иерарх не поставил бы сейчас и поледины.

Мужчина в простом на вид и отчаянно дорогом на взгляд знатока костюме, а знатоком как раз Липкие Пальцы был искушенным, улыбнулся. Кивнул, словно бы даже сам себе, и, не спросясь, с видом человека, которому можно, вышел из кабинета, не закрывая двери. Вернулся он уже, волоча за собой по бесценному дереву пола – натуральному аль-

маранскому древу жизни кресло секретаря. Сердце Первого Иерарха споткнулось и пропустило удар-другой, а мужчина дотащил кресло до центра кабинета и уселся, закинув ногу на ногу.

– Если Вы позволите, Ваша Милость, я разверну голограмму?

– У нас говорят «холо».

– Да? Сколько миров, столько наречий. Что ж, Вы не против холо?

– Сделайте же милость.

Мужчина щелкнул пальцами и пространство кабинета исчезло, уступая место совершенно иным событиям и декорациям, погружая Первого Иерарха в самые черные глубины прозрения и отчаяния.

– Крысоподы, жаренные крысоподы! Как же я сразу не понял? Он их ел? Ел? Но как? Он их убивал! Где? На минусах. На минусах? Бродяга? Нищеврод? Ага, щас! Он... он... Я его найду... – бурчал себе под нос Шерг, сидя в длинном-предлинном темном коридоре и неусыпно карауля одну из тысячи дверей, ту, где он надеялся получить ответ.

– Входи, Шергаро.

– Кто это был, Шаша? И почему он назвал тебя «Урмаверма»?

– Не твое дело, охотник! – мгновенно вспыхнув, резко и зло рыкнул хозяин кабинета, но затем так же быстро

остыл, возвращая известный всему дну невозмутимый тон прожженного деляги, – Не твое дело. Ты же знаешь, весь мой бизнес стоит на том, что клиенту не приходится переживать за свои тайны. Так что выкладывай, что тебе надо, и проваливай.

– Мне нужен тот, кто последние года два-три поставляет в местные забегаловки мясо крысоподов.

Шаша, которого в незапамятные еще времена один бонза так погнал за манеру пришепетывать на концах слов, отложил свои листы. Он вел записи только на синтепласте. Никаких экранов, никаких кристаллов, никакой мнемоники в деле хранения и анализа информации. Свинцовый карандаш, синтепласт и незаурядный мозг – все, этого, как оказалось, достаточно. Случись что, и по сигналу конторка выгорит в миг, не оставив от бухгалтерии Шаша даже воспоминаний, ибо сам он от ментоскопирования защищен насмерть. А вот техника... Да что тут говорить? Весь бизнес его только на том и стоит.

Сухой, носатый и ушастый будто мумия крысопода гоблин Шаша Урмаверма считался на нулевых и вплоть до тринадцатого главным стряпчим. Золотая Борода почитал его за то, что не хуман, хуманы – за то, что единственный кроме Бороды нелюдь на всем дне. Но это все шутки шутейные, конечно ж. Главное дело – связи и мозги. А ими в равной мере Шаша обладал в количествах небывалых, так что не существовало той информации, которую бы у него нельзя было

купить. Да к тому ж абсолютно инкогнито! Выход из конторы был организован отдельно от входа и, в отличие от входа, охранялся с обеих сторон надежнее, чем некоторые элитные апартаменты на сотках. Так что клиент мог за свои секретки не переживать. Вышел незаметно, сел в уже ожидающий транспорт, и поминай как звали.

Но вот является этот охотник, хороший, кстати охотник, лучший, и начинает выпрашивать про клиента столь давнего, столь денежного и столь опасного, что... дружба дружбой, но своя шкура ближе... Прости, Шергаро Полони, прости, старый друг.

– Крысоподов? Хм... Тебе это для Бороды надеть? Или по своим делишкам копаешь?

Шерг действительно слыл очень хорошим охотником, а нельзя оставаться живым охотником, да еще и очень хорошим, не умея чувствовать кровь, не зная вкуса охоты. И он знал. Он чуял. Он вылутил из всего незначительного главное – сменившееся настроение, дрожь голоса, блеск и движения глаз. Взгляд вверх и вправо, а потом сразу вниз. Старый хмырь отдал команду, на это можно годовое жалованье ставить.

– Себе. Хочу договориться, чтобы охотиться для него, а он бы только продавал. Я ж все равно с нулевого не вылезаю, будет мне небольшой приработок. Что скажешь? Сведешь если, как обычно десятina тебе уйдет.

Гоблин опустил ушастую башку, поджав губы, и Шерг

все понял мгновенно. Отдав команду мнемоблоку переслать весь пакет раздобытой информации на терминал Горра Золотой Бороды, он стал стрелять, даже не поднимаясь со стула, прямо из кармана куртки, чтобы тут же упасть на пол, с прожженной насквозь головой ровно лицом к лицу с трупом своего старинного приятеля, подельника и просто скользкого гоблина Шаши Урмавермы.

«...Ну Шаша-то ясно. Я эту историю помню. Но почему Урмаверма? Три года уже, как Урмаверма...» – именно такими мыслями завершилась запись мнемоблока Охотника Шергаро Полони, которую половину стандартных суток спустя просматривал, стискивая от злости огромные кулачищи, единственный отныне нелюдь дна Горриган Гормгрог. Дварф бесновался и рычал, разбрасывая мебель и подносы с едой, он бил прислугу и планировал месть вместо того, чтобы бежать. Ведь у него не было того же чутья охотника, что у Шергаро. А и было бы, что с того?

Глава 5

Кладбище ветров –
Штиль,
На сердце серо –
Пыль,
Выпадет зеро,
Иль
Вывернет нутро
Быль.
Было или нет?
Вздор!
Длили Тень и Свет
Спор.
Либо твой стилет
Скор,
Либо ты в земле –
Скорбь...

Престол! Пантагарей! Родина... Думалось ли? Да, постоянно! Верилось ли? Наверное, нет. Энвэ вышел из Окна Вероятностей как обычно в том месте и в то время, когда никто не мог его видеть, никто не мог встать между героем и его

Вызовом.

Город. Планета-город, как и водится на Пантагареи. К чему бы тратить место на что-то еще, если город приносит прибыль, войска пополняет город, власть нужна только городу с его бесчисленными живыми? Если верить Меню, а не верить Колизей еще не дал ни единого повода, то мир называется Величие и является центральным миром Острия – сектора фронта, одного из направлений экспансии Престола.

Задача проста как пива выпить: отправляйся на подпольные скачки, там выясни судьбу Титана Сутро МакСимбола, дожись дальнейших инструкций. Все четко, просто и по-военному понятно, все как любит Энвэ, за исключением разве что одной единственной мелочи. Что такое скачки?! Слово «подпольные» однозначно подразумевает нелегальность, а значит и спрашивать у каждого первого будет как минимум неосмотрительно.

Следующий по значимости вопрос хронологически пришел первым и занимал сейчас голову воина на самом-то деле куда надежнее, чем стотысячная армия – заштатную деревушку недоразвитого сельскохозяйственного мира. Что произошло с Престолом? Что это за мир? Почему вокруг столько нищеты? И это все – один вопрос, ибо при Энвэ такого не было! Не было расслоения. Миры Пантагареи были сыты, богаты и благополучны. Все необходимое сыны Престола брали от завоеванных народов, а те в свою очередь, ассимилируясь и вливаясь в несметную армию Престола, так же на-

ходили свое довольство и благополучие уже за счет следующих завоеванных. Но расслоения внутри миров-городов не было, и быть не могло!

– Что вы сделали с моим детищем, убогие? Что еще за подпольные скачки? И почему, наконец, Грымз отказывается носить письма сэру Сутро?! – вопросы толпились в голове бывшего Престола, а ныне бессмертного воина берсеркера, и гнев возрастал в его сердце неудержимой волной, гнев и ярость.

Колизей наделяет языком нового мира, и Энвэ с удивлением и отвращением обнаружил, что язык этот не несет в себе даже упоминания о том глубоком и тягучем, распевном и текучем наречии, что было ему родным. Гортанный рубленый каркающий говор местной черни заставлял сердце сжиматься, а кулаки белеть от напряжения. Однако Энвэ на то и был воином боевого безумия, чтобы не растрачивать гнев на эмоции, а бережно копить, пока не наступит решающая битва, и уж там...

– Уважаемый, у тебя пары единиц для голодающих не найдется? – воин аж опешил от наглости чумазого задохлика, потому даже не нашелся, что ответить и как отреагировать, так и стоял, молча хлопая глазами, пока тот не подошел поближе и смердя немилосердно какой-то синтетикой впере-мешку с гнилью, ткнул Энвэ в грудь грязным пальцем, – ты глухой что ли?

– Ага, – так и не придавая особого значения вонючке, от-

махнулся и собрался уже было совсем уйти, как неожиданная мысль озарило лицо мимолетной улыбкой, – Как попасть на скачки, гниль?

Тощий Бо, не раздумывая более, без размаха ткнул оборзевшего до потери реалий мужика прятавшимся дотоле в рукаве ножиком в печень. Сталь встретилась с кожей морозного маммута, добытой в неравном бою и превратившейся стараниями одного иномирного бронника в легкую и почти непробиваемую куртку. Лезвие скользнуло вбок, не оставляя на грубой блестящей будто заиндевело́й черной с просиной коже даже намек на царапину, и, предательски покинув руку, звякнуло о пластибетон где-то шагах в десяти. Сама же рука притом, неестественно выгнувшись, выкрутившись, превратилась в сплошную боль, заставляя своего прежнего хозяина плясать на цыпочках и тоненько подвывать. Почему прежнего? Так разве ж он теперь своей конечности или даже жизни хозяин, это напав-то на героя? Вот то-то и оно.

– Как попасть на скачки, мразь? – Энвэ слегка ослабил хватку, позволяя нелепому дурачку выдохнуть и начать думать о чем-то кроме рвущихся мышц, трещащих связок и норовящих покинуть насиженные места суставов.

– Я провожу, сударь! – Тощий Бо сменил риторику с той скоростью, на которую способны только вот такие как он обитатели дна, крысы человечества.

Рука вдруг снова вернулась к прежнему хозяину больная и помятая, но все же такая родная. Бо принялся баюкать ее,

опасливо поглядывая на господина в странной броне, похожей на обычнейшую синтепластовую куртейку из тех, что тоннами вываливают на улицы десятых и выше на потребу простому люду. Одежка, небывалая реакция и скорость движений, сила и та надменность и уверенность с которой могут говорить только герои не оставляла теперь сомнений. Тощий Бо сорвал-таки куш! Осталось только довести дело до ума без суеты, и переезд на верхние десятки ему обеспечен вместе с должностью охотника!

– Пойдемте-с, сударь, нам во-о-он туда, – Бо заюлил, залезбил, заглядывая герою в глаза молясь лишь о том, чтобы тот ничего не сообразил, но герой, прямой как палка и, похоже, как палка тупой, ничего соображать не и собирался.

– Веди, – Энвэ глубоко презирал подобные вот отбросы и не находил совершенного никакого объяснения живым, пресмыкающимся у ног сильнейшего, – Долго нам еще?

– Никак нет, сударь, не более части-с. Вон туда, за угол, под полог, сударь. Позвольте приподниму, ага-сь, вот так, вот сюда...

Пададь ползала на брюхе и выглядела преданным ручным зверьком, Энвэ даже несколько расслабился, видимо потому и не среагировал на мгновенную смену настроений. Они шли извилистыми проулками и темными коридорами, пока не подошли к огромной золотой двери. Действительно золотой! Это было несомненно. Дверь открылась без единого звука, как и положено двери в мире высоких технологий, ка-

ким и был, несомненно, Престол. Энвэ шагнул вслед за провожатым в сияющий белизной зал и...

– Это герой! Выспрашивал про скачки, хочет попасть на них, – единым духом, одно не проглотив язык от старания, оттараторил нищевород, юркнувший вмиг обратно за порог в темноту коридора.

– Конечно попадет!

Дварф, несомненно дварф! В халате, с голым волосатым пузом и огромной до пупа заплетенной в две косицы золотой бородой весело и лениво хохотнув сделал мимолетный знак толстой в перстнях рукой, и откуда-то сзади предательская рука вонзила в шею Энвэ Храброе Сердце толстую жгущую огненным холодом иглу с нуль-кристаллом в оголовье. Выведенная в поле зрения статистика героя, информация по ходу Вызова и прочая мелкая, но важная буквенно-пиктограммная разносортница мигнула и погасла, недвусмысленно указывая на разрыв связи с Колизеем, а глаза берсеркера затянула черная пелена беспамятства.

Новый проблеск сознания настиг меня в серой, будто внутри цельной глыбы сумрака выточенной, тесной и холодной камере. Полная противоположность залу, наполненному огнем, криками, тяжелым смрадом из пота, крови, гноя и испражнений, деловито снующими туда и сюда палачами, звонном кандалов и вспышками света. Здесь стоит ватная непро-

ничаемая тишина. Я слышу ток крови в собственных ушах и скрежет мыслей, протискивающихся по сжатым в глубоком болезненном спазме извилинам моего многострадального мозга.

Все так же прикован, но уже нормальными нейлоновыми, или какие они тут, лентами к стене. Рядом так же распялен, словно кузнечик в паутине, изрядно избитый, но не утративший присутствия духа и даже некоего бесшабашного веселья дон Серхио ЛаВега.

В углу, явно без сознания, лежит, свернувшись калачиком здоровенный детина, настоящий гигант, эдакий Конан Варвар, сплошь затянутый в странных оттенков кожаную одежду так, что о телосложении можно судить лишь по второстепенным признакам. Впрочем, их тоже хватает с лихвой: неохватные ручки, скуластое квадратное лицо, словно бы высеченное из гранита, рост даже по приблизительным прикидка – чуть не полтора моих, а я совсем не маленький.

– Кто это?

– Не имею чести быть знакомым с этим сыном горных великанов, мой друг. Однако же, кроме как героем быть ему совершенно не кем, – кэп сделал жест, будто развел прикованными к стене руками, жест свободный и непринужденный даже в нашей непростой ситуации, оттого величественный.

– Где мы, Серхио?

– И вновь ни малейшего представления, дружище, но ес-

ли судить по отсутствию на нас нуллификаторов, мы в нуль-камере. Надобно полагать, что скоро почтят нас своим присутствием эти забавные господа в кожаных фартуках и все разъяснится само собой.

Меня захватил страх. Холодные липкие щупальца поднялись откуда-то снизу живота, оплетая сердце, легкие, горлань, иссушая рот. Тело затрясло, выступил пот, в глазах поплыли вперемешку клочья черного и серого тумана. В следующий миг, я вдруг осознал их как рябь, а затем и как отблеск Меню. А потом накатило могучее цунами всепоглощающего осознания. Такое уже бывало в моей первой жизни, там я научился не доверять «знанию» принесенному из наркотических грез, но здесь... Здесь я видел, и это было громоподобным откровением.

— Ваша суть Титана рвется наружу и никакие ухищрения жалких людишек не способны сдержать эту мощь!

Вы повторно преодолели нуль-барьер и теперь ничто не способно разорвать Вашу связь с Колизеем. Боги гордятся столь могучим врагом и даруют Вам свое благословение. Выберете одну способность, доступную всегда и везде даже при отрицательном балансе ОИ и ОДП.

Подарки надо принимать с гордостью и благодарностью, даже если то подарки врага, который попросту желает сразиться с достойным себя соперником и оттого только и по-

могает. Я не раздумывал ни секунды. Я точно знаю, какая способность сейчас мне жизненно необходима. И, о да, тем, кто нас взял в плен повезло, ибо выпала на их век удача испытать крайнюю, превосходную степень удивления. Таковое удивление неотвратимо убивает, но велика ли плата за право испытать на себе гнев Титана лично? Каждый ответит себе сам... напоследок.

– Вы получили божественный дар. Синергия не может быть заблокирована. Вызвать и отозвать питомцев можно в любой момент без затрат ОИ и ОДП. Способности Ваших питомцев отныне активируются и поддерживаются бесплатно. Мыслеречь между связанными существами доступна всегда. Синергия может быть дополнена новой кровью.

«Сражайся Враг, Ты нужен нам сильным!»

Следующие несколько минут я купался в ласковом тепле обожания, которое укрыло меня непроницаемым коконом от всех страхов, бед и обид, разглаживая изорванные нервы, наполняя сердце готовностью, уверенностью и тишиной.

Парни живы, оба. Дух после моего пленения оказался перенесен в Личную Комнату и там все это время изводился ожиданием и тревогой, коротая время общением с братом. Мрак же поделился со мной картинками МиссТи, получившей от системы извещение о моем пленении и маячок с мои-

ми актуальными координатами. Никогда бы не подумал, что эта маленькая и хрупкая девчонка способна в один незримый миг превратиться в разъяренную фурию и поставить с ног на голову целый огромный мир, вымещая ярость. Сейчас они, кажется, были на корабле Лиги и двигались в сторону Величия. Я тихонько усмехнулся.

– Что тебя развеселило, сэр Сутро? Уж не повредился ли твой ум от ужаса и безысходности?

– Нет, Серега, – теперь только так и буду звать этого колоброда, – Просто мне вдруг стало немного жалко этот мир, так неосторожно поймавший нас. Мне представился паук, по недомыслию поймавший в паутину дракона.

Звонкий радостный хохот наполнил камеру еле различимым эхо. Действительно, очень странные материалы необходимы для блокировки жизненной силы разумного. Они до неузнаваемости меняют физику привычного мира, и все равно не способны сдержать эту силу полностью.

Память пришла, и я вновь оказался наблюдателем своей самой первой, такой, с позволения сказать, развеселой жизни. В те далекие теперь времена я неоднократно становился свидетелем картин совершенно непостижимых, не сводивших меня с ума лишь по причине уже существовавшего в ту пору, а может и от рождения вовсе, легкого перманентного безумия.

Я видел этот мир, как он есть, теперь понимаю это. Просто тогда, силясь объять полученное знание наличными сред-

ствами в количестве одного отравленного мозга и сильно покалеченного безответственной жизнью духа, я впадал в экзальтацию и ужас, принимая единственно верное спасительное решение, счесть свое видение токсическим бредом. Но такова судьба любого бесценного знания, полученного за дарма.

Сейчас же, получая подтверждение тому, что когда-то уже принял невозможным, я имею достаточно сил, достаточно духа для усвоения материала в том виде, в коем он пришел. Я не требую от вселенской мудрости быть понятной такому вот маленькому мне. Достаточно и того, что мудрость эта вполне практична и может быть применена совершенно без понимания. То есть именно без понимания она и может быть применена, иначе убьет или сведет с ума.

Мир строится индивидуальным осознанием. Менно восприятие есть инструмент созидания. Я воспринимаю то, что намерен воспринять, и от этого мир становится быть. Не иначе. Все работает именно так.

Если же мир ваяют сразу множество живых по одному общему шаблону, то таковая структура становится могучей силой, хитрой и изощренной ловушкой. Однако, достаточно заметить сам факт пленения, и вот уже осознание почти свободно, теперь его единственной задачей становится самостоятельное созидание. Только созидание, никак не побег, либо же отказ, либо любя иная формы интеллектуальной или духовной аскезы. Живой не может не воспринимать мир во

всей его полноте, а потому и невозможно сбежать из ловушки чужой архитектуры, не создавая и не поддерживая собственное мироздание! Ненавидеть и презирать пленителей – прямой путь к краху.

Что меня сковывает? Представление триллионов живых о том, что нуль-предметы способны прервать связь героя с Колизеем. Что вижу я? Нуль-предметы есть часть Колизея! Может ли всемогущий Бог создать камень, который он не сможет поднять? Конечно. Сможет ли он его затем поднять? Естественно!

Необходимо ли мне видеть серую рябь, чтобы взаимодействовать с Колизеем? Не более необходимости для дыхания видеть воздух. Я и так взаимодействую с системой, я часть ее, я живу в дарованном ею теле дарованную ею жизнь. Так кто может отделить меня от того, из чего я соткан? Только сама система.

Кому породившая мою вечность система подчиняется? Никому? Или всем? Или каждому в отдельности? Сейчас ответ очевиден. Мне! Моя вечность находится только в моем личном распоряжении. Она полностью отдана под мою ответственность. И если я решу, что меня поймали и убьют окончательно, то так оно и будет.

Что дает мне силы не верить «им всем»? До сего момента работали только ярость и страх. Что ж... Можно попробовать и кое-что новенькое, чтоб не отдаваться на волю гормональной бури. Что мне дает обычно графитовое ничто?

Верно, покой! А кто отменил покой без вмешательства серой ряби? Никто! Значит, пока есть время, его нужно посвятить тому, на что у меня никогда не было достаточно силы. Мне пора позволить себе медитацию.

Горриган Гормгрок был сейчас доволен собой как никогда, пожалуй, прежде не бывал доволен. Во-первых, он теперь точно знал, что неуловимый нищеврод, выкосивший на дне цвет охотничьей братии, был засланцем, а значит и искать надобно не его самого, а того, кто все это безобразие оплатил.

Шаша Урмаверма мертв. Вместе с ним умерла и надежда быстро вычесать репы из бороды, как говорят у дварфов. Однако ясно стало куда копать. Шаша был уверен, что все его делишки покрыты непроницаемой завесой мрака, которого он напусти вокруг своего бизнеса. Что ж, заблуждение нельзя поставить живому в вину, ибо право заблуждаться дано нам отроду и одно лишь не возведено в обязанность.

Шаша был вынужден нанимать на работу живых, а что знают двое, знает и крысопод. Конечно, не все было известно Горру, но уж не мало – это точно. Деньги в его руках вертелись огромные, а деньги – надежная отмычка для любого, даже самого хитрого замка.

Все нити вели наверх, и Горр решил перестраховаться. Наркотики, как и мелкая работоторговля не были интересны

тем, кто владеет Энергостанцией, но вот тотализатор, полностью находящийся в ведении Золотой Борды – очень лакомый кус, и кусом этим пришлось время делиться.

Повелитель ночи отправил нарочного к повелителю дня. В письме, написанном лично рукой почтенного дварфа и врученном еще вчера ныне уже мертвым посыльным, свинцовым карандашом по синтепласту было выведено всего несколько строк:

«Драгоценный Первый Иерарх Карануци!»

Без меры уважая и почитая Ваш талант управлять целым сонмищем миров фронта, взываю к Вашей силе, мудрости и милости я, скромный дварф Горриган «Золотая Борода» Гормзрог, созидатель и управитель народной отдушины, перепускного, ежесли желаете, клапана, неизменно травящего в пустоту губительный пар вечной неблагодарности черни, именуемого в простолоудье «Скачки», а среди знающих живых имеющего название «Тотализатор».

Сим письмом желаю вверить Вашей заботе мое непомерно раздувшееся за последние годы и уже не вмещающееся в слабых руках моих детище! Сам же уповаю на мудрость и милость Вашу оставить меня на должности управителя со скромным окладом в 25% от всей немалой ежесмгновенной прибыли.

Так же своим гражданским долгом считаю непременно уведомить нового Владетеля, сиречь Вас, о покушениях на

Ваше имущество со стороны неизвестных лиц, действующих руками сокрытых наймитов через ныне безвременно покойного дельца – гоблина Шашу, многим известного как Урмаверма.

Не имя возможности противостоять более нападкам и атакам высокопоставленных подлецов, молю Вашей защиты.

С преклонением!

Ваш покорный слуга Горриган Гормгрог, дварф!»

Спустя всего несколько частей после того, как был пресечен отчитавшийся о доставке нарочный, к апартаментам Горра пришло сразу с десятков транспортов, наполненных преторианцами Иерархата – лучшими бойцами, занятыми на охране высокопоставленных лиц и важных событий, а так же на пресечении народных беспорядков, волнений и даже отдельно взятых неугодных жизней.

Преторианцы незримо рассеялись по местности, занимая одним им ведомые посты, транспорты ушли, а исходивший все это время от страха потом дварф вдруг осознал, что всего-то лишь деньгами смог оплатить свою полнейшую отныне неприкасаемость! Такой гордости он за себя еще не испытывал никогда! «Какая стремительная карьера, – думалось ему, – как ты ловок и удачлив, диaboлов ты сын, Горриган! Ты нанял себе в охрану самого Первого Иерарха! Ай да, Горриган Гормгрог, ай да дварф!».

Глава 6

Все маски сброшены,

Погашен свет.

Улики прошлого?

Их больше нет.

Свернусь за пазухой

Чужим теплом.

Сниму отчаянье.

Покину дом.

Взгляну на улицу -

Там брезжит ночь,

Ни зги, ни вдребезги,

Я – волчья дочь.

Я взмою к облаку,

Всплакну дождём,

Ни сна, ни морока,

Весь мир – мой дом.

Уйду за павшими,

Вернусь хромой,

Умоюсь звёздами,

Вздохну зарёй.

Засну я с птицами,

Вдали от бед...

Но!... снова чую я

Волчий след.

– Стойте, стойте! Мне нужна помощь! Стойте! Человек умирает! Там погибает человек, ему нужна помощь!!!

– Уже нет.

Мужчина смотрел спокойно и даже расслабленно. Он никуда не спешил, создавая впечатление того самого гонца-марафонца, что добежал, сказал и с тем умер. Высокий и сухой, что тростник, или ж мумия цапли на солончаке мужчина лицом оказался тёмн и выветрен, морщинист и оттого до невозможности выразителен. Некогда голубые, светлые сейчас до почти полной белизны, какая присуща туманному утру над северными водами, глаза его светились внутренним огнем неумной силы. Таков бывает во взгляде пожилого ученого, совершенно от дел еще не отошедшего, либо может быть – писателя-фантаста, возможно – путешественника или естествоиспытателя. Глаза выдавали внутреннего сорванца и говорили уняться и не спешить заказывать тризну.

МиссТи укололась об этот ясный и ничего дурного не сулящий взгляд, чтобы с шипением воздушного шарика выдохнуть, роняя плечи и разом теряя весь свой убийственный запал. Нижние веки набрякли соленой влагой, а губы суровой лучницы против всякой воли заходили ходуном.

– Ч-чт-то с ним?..

– Он на корабле Торговой Лиги, милая, и уже даже не

здесь совсем. С ним все в порядке, потому важнее видится вопрос, что с Вами. Я Калерб Данц, смотритель, к Вашим услугам.

– Как, не здесь? Как он? Где он? Что за Лига?!

Новая волна переживаний накрыла целиком, и маленькая девочка внутри вся затряслась и запаниковала. «Я так и знала! Так и знала! Всё так и должно было закончиться! По-другому и быть не могло... не может...». Притом, что именно она «так и знала», что «всё» и как «так» должно было кончиться, почему «не могло иначе» и откуда вообще эта удушливая паника, МиссТи ответить бы не смогла даже под присягой и пытками.

Если уж говорить откровенно, то под пытками она как раз и осталась бы твердой до негибкости, гордой и несломленной. Под пытками она бы умерла даже с некоторым удовольствием, причиняемым вот этим самым чувством личного героизма, что так знакомо любому «отличнику по неволе».

А что происходит с ней сейчас? Откуда это всё? Кем стал для нее, охотницы на людей, прозванной Гиблым Туманом Леса, этот странный воин с глазами полными самой смертью? Кто он, давший ей шанс и надежду, показавший на миг неопалюющее пламя и сгинувший в водовороте им же инициированных приключений? Почему паче жизни собственной печется она о его судьбе, судьбе бессмертного Титана, бросившего вызов Богам? Разве не он сам себе хозяин и под-

мога? Разве может она хоть что-то сделать для этого... этого...

– Чем я могу Вам помочь? Пойдемте в таверну здесь неподалеку и за кружечкой чего-нибудь согревающего просто побеседуем. Без этого, я боюсь, отпускать Вас куда-то будет чистым безумством, – он рассмеялся легко и задорно, запрокидывая голову, как делают молодые и сильные люди, это вызвало почему-то доверие.

– Пойдемте... Мрак, за мной, малыш!

Спустя примерно час ее внутреннего времени и большую кружку горячего горьковато-сладкого, терпкого и приятного освежающего травяного отвара МиссТи стала осознавать себя здесь и сейчас.

Всё это время Калеб Данц сидел напротив нее, положив большие мозолистые ладони, каждая со сковородку, наверное, на гладко дочиста скобленную массивную столешницу, смотрел и улыбался. Казалось, он видит ее насквозь и с азартом натуралиста наблюдает все эти внутренние перипетии заплутавшей в самой себе влюбленной девушки... Влюбленной?... Да, пожалуй, что и так...

Калеб снова рассмеялся, явственно читая в ее лице пронзительную мысль, и закивал головой. МиссТи выдохнула, собралась – локти на столе, пальцы – в замочек и – к подбородку, губы – в ниточку.

– Кто Вы, Калеб? Или нет... Спасибо Вам в первую очередь! И затем – кто Вы, Калеб?

– Смотритель, милая, я смотритель. Смотритель в самом широком смысле. Вижу, Вам сильно полегчало, и сейчас работа мысли вновь вернулась в прямое русло, – она лишь приоткрыла рот, залепить какой-нибудь убийственной фразой, но Калев Данц поднял вверх палец, погрозил им шутливо и продолжил, – Вы теперь справитесь. Вспомните о целях, сверьтесь с сердцем, подумайте кто Вам враг, а кто друг. Затем действуйте, как умеете это делать только Вы, моя дорогая, со всей необузданностью человека одержимого.

Он встал, наклонился через стол, чмокнул сухими и горячими губами растрепанные кудри на маковке и быстрым порывистым шагом покинул общий зал таверны так стремительно, что уже через миг стало казаться, будто его здесь никогда и не было. К тому ж, развеялся и запах моря.

Клыкастая мохнатая башка тут же легла на колени, и МиссТи запустила пальцы в густую черную шерсть в поисках опоры сердцу, и те сами собой нашарили прохладное серебро с заключенным в него пульсирующим странным теплом нездешним алмазом. Чувства, мысли и образы захлестнули вымотанный тревогами ум, чужие чувства, мысли и образы.

Если бы в своей первой жизни МиссТи, а тогда еще Мелисса знала, что существуют миры, в которых человек может ходить под парусом через океан космической черноты, проплывать прямо под южным полюсом обитаемой планеты, разговаривать с собаками, заводить друзей среди бессмертных сущностей и даровать им свободу одной своей волей...

Если бы ей тогда сказали, что она безоглядно влюбится в этого человека и станет частью его непостижимой вселенной высоких свершений... Если бы она тогда узнала, каких чудес и опасностей полон мир героев Колизея, она бы не прожила после того и пяти минут, моментально найдя способ расправиться с постылой серой человеческой жизнью...

...Тяжелые лапы легли на плечи, а горячий язык принялся вылизывать заплаканное лицо. Девушка сначала попыталась отстраниться, но затем прижала могучего пса к себе, насколько это вообще только и было возможно. Утопая в теплой пушистой и почему-то совсем не пахнущей зверем шерсти, она наконец рассмеялась и ощутила всем телом, как напряжение сходит на нет.

Благодаря связи между братьями-псами и их хозяином МиссТи видела только что целый фильм о спасении её... Кого? Суженного? Пожалуй... Что ж, теперь она абсолютно спокойна за этого невероятного паладина, Титана... мужчину. Ей понравилось испытывать это томительное смущение, возникавшее каждый раз, лишь стоило только подумать о Сутро как о... Вот опять.

Она вновь рассмеялась звонко и без стеснения, затем вскочила и отправилась на улицу, в парк, туда, где стоят эти монументы, так похожие на них с сэром МакСимболом. Там, вроде бы, есть музей, а значит и обновившееся задание на получение информации о Воине и Охотнице, вполне возможно, получится выполнить, не отходя далеко от комфорта. В

этом мире не думалось больше с восторгом ни о лесных чащах и долгой охоте, ни о скитаниях, ни о сне под открытым небом. Захотелось побыть женщиной, а не дикой пумой!

Музей действительно был, хотя и далеко не такой, каким представлялся. Маленькое невзрачное зданьице у подножия титанического монумента больше походило на флигель охраны, где ждешь увидеть неопрятного дядька лет за пятьдесят с пузом, комично и жалко натягивающим дешевую застиранную черную униформу с аляпистыми ЧОПовскими нашивками.

Дверь, естественно, оказалась открыта, и МиссТи вошла. Наука, превосходящая доступную нам хотя бы на порядок, кажется магией... Так оно и есть. Внутри здание зданием не было, оно оказалось космосом, в котором и плавала теперь в состоянии безразличного равновесия полностью выбитая из колеи девушка. Отовсюду зазвучал голос. Глубокий и чарующий, он рассказывал древнюю как сам мир повесть, а перед восторженным взором его единственной слушательницы плыли миры и целые их созвездия, войны и перемирия, строились и сгорали в безумии древних битв космические империи. Вот как это было...

Вначале, как бывает всегда, повествование текло руслом банальной любовной истории, романтической саги о Воине, полюбившем некую Охотницу, одарившую его своей любо-

вью в ответ.

Конечно же, дух захватывало от их чувств, конечно же, сердце замирало от тех преград и препон, что вставляли между мужчиной и его судьбой, и ликовало, когда он, могучий, повергал врагов и сокрушал скалы на пути к любимой. Но было это всё ж до зевоты банально.

Ужасно начитанная и очень умненькая девочка Мелисса где-то внутри вела счет совпадений, заимствований и прочих неоригинальностей повествования. То отдельные элементы его, то целые главы, даром, что невероятно анимированные и наполненные чудесной музыкой, были напрямую взяты из мифов Земли. Даже имена, даже названия, даже текстуры, звуки и ароматы, вплетенные в этот кино-сенсорный шедевр, все было земным, и МиссТи томилась тем самым зудом, что знаком каждому из нас, когда ждешь, что вот этот сто раз знакомый мультик сейчас закончится, и начнется новая история.

Боги... Всему виной, как обычно, стали Боги. Ну может и не виной, но началом и концом, альфой и омегой точно. Боги разделили влюбленных самой надежной, самой непреодолимой из всех пропастей мира – смертью! Они забрали... нет, не Воина и не Охотницу. О нет! Эти всемогущие скучающие на своих Олимпах сволочи забрали их детей! Обоих, мальчика и девочку, объявив, что в пантеоне нужны... паж и фрейлина! Богам нужна была прислуга, и они забрали детей двух величайших воителей древности, покорявших вдвоем

целые армии, приводивших к порядку целые империи.

Что ж, ошибаются даже Боги. Воин бросил им вызов. Он сокрушил не только лишь все храмы мира, но и самое поклонение Богам назвал чем-то постыдным и порицаемым. И его послушали, и за ним пошли. За ними.

Мужчины следовали слову Воина, женщины внимали Охотнице. Над Богами стали смеяться, их стали осыпать хулой и проклятиями, люди принялись верить в себя, перестали надеяться на небожителей. Поднялась наука, зародились техника, медицина и магия, строились школы и универсииты, где люди, дело неслыханное, обучали людей!

Боги ослабли и оголодали, а Воин и Охотница получили такой поток веры и обожания, что сначала перестали стариться, а затем и вовсе обрели силы запредельные. Они начали видеть сквозь небо, землю и время. Они увидели Богов и стали преследовать их везде, некогда бессмертных и непогрешимых, а ныне просто очень сильных, но вполне даже кровоточащих от стрелы в ногу, от меча в грудь.

Воин и Охотница уже почти дорезали Богов, загнали в самые далекие уголки Эфира, когда на защиту двух последних – Бога Смерти Монга и Богини Зарождения Светаны встали их паж и фрейлина. Встали и погибли, сраженные яростью и безумием утративших последнюю надежду родителей.

От иступленного рёва Воина ураганы бушевали над миром сто лет, от слез Охотницы сто лет лил дождь. Все живое, некогда порожденное старыми Богами, было уничтожено, а

Монг и Светана, плененные, скованные первыми во вселенной нуль-кандалами, лишавшими сил даже Богов, обречены были видеть, как гибнет, как низводится в ничто их прекрасное детище – тварный мир.

Воин хотел попытать последних Богов и убить, заканчивая месть, но Охотница – мать, обретшая всемогущество, но утратившая материнство, решила иначе. И сила Её решения была такова, что даже Воин не смог ничего Ей возразить.

Волею Её Светана была расщеплена и пересобрана в Душу нового мира, вечно перерождающую живых, питающую их божественной силой и божественными знаниями, не дающую новым вечным сойти от этой вечности с ума, исцеляющую и обновляющую.

И тогда Волею Его Монг был лишен рук, зубов, языка и мужества, и превращен в Силу Обновления, безголосого цепного пса, фактор роста в новой системе мироустройства. Беззубая, безрукая, кастрированная Смерть стала безобидна для новых вечных. Теперь она оказалась лишь пугалом, отнимающим немножко того, немножко сего, больно, обидно, но не смертельно.

Так новые Боги новой вселенной не просто завершили свою месть, но пересоздали мир, посвятив новое мироустройство пути возвышения духа, вечному пиршеству славы, торжеству мужества самосовершенствования. И назвали они новый мир Колизеем, ибо только смертельная битва за гранью «Я», за пределом сил способна вырвать живого из

уз жалости и ничтожности, доставшихся от старых Богов и въевшихся в кровь и кость намертво.

Шли тысячи лет. Охотница залечила сердце Воина, и Он исцелил Её израненную душу. Уже теперь из первых бессмертных героев, достигших в нескончаемой битве божественного могущества, был собран новый пантеон, а Воин и Охотница... Они заповедали Колизею расти и шириться, пока вся мультивселенная не станет его ареной, пока каждый рожденный под светом его звезд не достигнет той чистоты духа, что дает живому могущество быть Богом и создавать миры. А потом, взявшись за руки, они ушли в Вечность, обличенные такой Силою, что большей и не существует, и существовать не может, и не сможет никогда-никогда. Они ушли, танцуя, и унесли с собою Ненависть, Безумие, Отчаяние и Мечь.

То, что осталось после Них, нельзя написать с заглавной буквы, ибо не дано более в мирах превосходной степени этим чувствам. А еще осталась память и символ – Танцующие Земли. Две планеты, вращаются где-то в небывалых глубинах междумирья вокруг единой оси, будто влюбленные в танце, и так кружась, обходят они по кругу ласковую желтую звезду. И нет более благодатных двух миров для тех, кто устал быть даже Богом. И лишь в этих мирах найдут великие свой покой...

Обратно в парк МиссТи чуть не выкатилась кубарем. Чувства переполняли, туманя голову, сумевшую, однако же, зафиксировать кое-что, как показалось, крайне важное. Запах. После проживания всей этой кино-сенсорной драмы воздух Террановы явственно пах не по-земному!

Надо же, она никогда не замечала этого раньше ни в одном из миров, а теперь вдруг стала помнить их ароматы, и ни один из них не был родным. Затем начали всплывать и картинки, которые лишь казались прежде близкими и понятными, но не имели в действительности ничего общего с видами, знакомыми с детства, да и вообще с Землей, с Террой.

– Какая глубина подмены... – пробурчала себе под нос охотница, полностью растворенная сейчас в размышлениях о Колизее, о его сути, его началах и ее во всем этом роли, – Что же есть вот это все вокруг? В какой миг я перестала отличать чуждое от родного, когда именно меня захватила эта иллюзия? Кто я и где? Как теперь различить?..

– О, Вас тоже очаровала эта история? Я просто-таки самый преданный ее фанат! Хожу в музей несколько раз в году, чтобы обновить ощущения. Вы знаете, по моему мнению, нет ничего лучше для снятия с восприятия шор, чем окунуться в чужие миры, а затем вынырнуть из них и вновь оказаться дома, но уже с чистым взглядом! Я Арника, если что.

Девушка, почти девочка. Как же странно из ее уст звучат слова о незашоренности и чистоте взгляда, о необходимости освежать свое восприятие. «Боже, маленькая, да когда же ты

успела-то так поднатореть в истинно человеческом умении замылить глаз? Да и откель мудрость такая?» – мысль проплыла в мозгу, отрезвляя и заземляя, а следом пришла другая – не своя: «Ей быть героем. Вот только доживет этот раз и будет». Снова стало мерзко и пыльно на душе. Колизей, да что же ты за гадость-то такая, а?! Вслух же прозвучало совсем иное.

– Арника? Как цветок?

– Нет, это имя такое. В честь Одной из Пантеона – целильницы.

– Так, значит ты – фанат истории Колизея и пришла сюда, чтобы обновить свой взгляд?

– Нет, – девочка, кажется, смутилась, во всяком случае она потупилась и принялась разглядывать свои босые ноги, – я – фанат Охотницы. А еще я чту Пантеон, хоть сейчас это и не принято в развитых мирах.

– И что же во всей этой истории, тебя так очаровало? Что открыло глаза, как ты говоришь? – МиссТи вдруг явственно и безошибочно поняла, что аттракцион в музее был лишь подготовкой к действительно важному событию, которое вот сейчас...

– Любовь, конечно, – Арника пожала плечиками и смешно сморщила веснушчатый носик, – Охотница так любила своего мужчину, что не позволила ему разрушиться. Он – воин, он безжалостен и бескомпромиссен, он был готов ради собственной мести уничтожить все и сгинуть вместе с ми-

ром. Он не думал о том, что последним, что осознает перед уходом, будет то, как его женщина, его любовь кончается по его лишь одной необузданной прихоти. Охотница не дала любимому уйти во мрак разочарованным. Она убила детей, предавших человечество, но не дала убить последних из Богов, тех на ком и держалось все мироздание. Она породила новую жизнь и вдохновила Воина сотворить путь! Она взяла на себя весь груз ответственности моральной, чтобы его дух остался несломленным. Она и есть настоящая прародительница, а не Светана, лишь тешившаяся своей чистотой и непорочностью.

Мелисса где-то внутри замерла, а вместе с ней и МиссТи перестала даже дышать. Откровение такого масштаба от пигалицы едва четырнадцати лет сразило наповал. Совершенно иное представление. Совершенно иная жизненная парадигма, куда безжалостность вписана наравне с любовью и не просто наравне, но со знаком равенства...

– Ого! Ты сама все это поняла?

– Чего тут понимать? Это же очевидно. Нет?

– Так значит Воин и Охотница – не Боги Колизея?

– Конечно же нет... – Арника долго смотрела на МиссТи, будто пытаясь разглядеть в ней что-то: насмешку или иной подвох, но потом все же продолжила, – Все ведь ясно как белый день! Они – прародители, Они – исток и семя, замысел и сила, его воплотившая. Они ушли так далеко, что здесь не осталось ничего, на что они способны влиять. Они и есть сам

этот мир, весь мир, то есть, вселенная Колизея.

– Закон?

– Ну нет же! – вновь долгий взгляд, но теперь скорее раздраженный и досадливый, – Не закон. Дух! Понимаешь? Твой дух и законы, по которым ты живешь, разве они – одно и то же?!

– Нет, наверное... – смущение залило лицо краской, и МиссТи села на траву, более не заботясь о позе взрослого, она сдалась, – Почему ты подошла ко мне?

– Ты монументы видела? Ты в музее была? Ты в лицо Охотницы всматривалась?

– Я похожа на нее... немного, вроде...

– Вот потому и подошла. Я думаю, ты – Её воплощение! Вы, герои – странный народ, живете по иным законам, чем остальные, но Дух Колизея един для всех. Так что... – девочка вдруг снова смешалась, растеряв свою непререкаемость и вновь становясь просто девочкой, – Возьми меня в услужение, Охотница! Я тебе пригожусь...

Обновление задач. Примите решение. Арника желает присоединиться к Вам в роли слуги. Принять? Да / Нет

– А... как же твои... родители? Да и зачем ты мне? И как ты себе это вообще представляешь?

Вопросы сыпались сами собой, Арника молча стояла, опустив голову и ожидая вердикта, а нечто большое и неотврати-

мое накатывалось из-за края небытия, грозя смести вселенную МиссТи с карты жизни без следа. И вот, когда напряжение стало уже осязаемым, сгустив воздух, когда Мрак завертелся волчком и стал подвывать и поскуливать, тоже ощущая нависшее нечто, когда воздух мира стал чужим до полной невыносимости, одновременно произошло сразу два события. Девочка Арника подняла-таки свои голубые глаза, уставилась на МиссТи и заговорила, а перед взором охотницы замигала красным строка оповещения.

– Я многое знаю о мирах Колизея, больше тебя, новорожденная. Мама научила, прежде смерти, она меня с рождения учила. Я чують могу. Я знаю, она стала героем, я тоже стану, но для этого мне надо идти с тобой и умереть рядом с тобой, за тебя, это мой путь, Охотница. И твой. Это путь без жалости, вечная.

Внимание! Герой Сутро МакСимбол попал в ловушку последней жизни! Вам передан алерт-маячок. Следуйте на него и, возможно, успеете.

Арника желает присоединиться к Вам в роли слуги. Принять? Да / Нет

– Ты в бешенстве, вечная! – девочка рассмеялась, она, кажется, пребывала теперь в полном восторге, – Это и есть сила, вечная! Она такая! Она в тебе! Главный урок, который следовало бы вынести из древнего мифа любому, кто решает

стать Богом, это «Не бесите женщину!».

Арника хохотала как безумная, руки МиссТи затряслись, когда она выбирала «Да», в глазах все поплыло, дыхание сбилось и застряло в груди раскаленным комом Ненависти и Отчаяния. Вдруг осознание неотвратимости всех дальнейших событий, как, впрочем, и всех, им предшествовавших, пришло, накрыло уже наконец волной холодного безжалостного покоя, присущего лишь воину, идущему на последнюю битву, гордому, собранному, полностью пробужденному и улыбающемуся счастливой улыбкой живого, достигшего своей непостижимой цели.

Обновление задач... Обновление задач... Обновление задач...

Глава 7

Мы с тобой говорим на стальном языке,

Поливая багрянцем песок,

Мы застыли в последнем фатальном прыжке,

Продлевая отмеренный срок.

Мы умрём, если только закончится бой,

Здесь победа и гибель равны.

Мы заботливо раним друг друга с тобой,

Лишь бы бой растянуть до весны.

Ты – мой враг, ты – мой брат, мой единственный шанс,

Отвечаешь на выпад рывком.

И стала Арена вселенной для нас,

Крохотным тесным мирком.

Ты увернулся – победа моя,

Я уцелел – твой триумф,

Живы, пока ещё можем стоять,

Сердце смиряя и ум.

Наш диалог на стальном языке –

Целостность двух половин.

Пишем багрянцем на жёлтом песке

Очерки нашей любви.

Я сверился с ощущениями, чтобы снова, в который уже раз от сердца отлегло. Когда нет возможности подпитывать тело ОДП, сон необходим, и я проваливаюсь в него вновь и вновь. И пусть блаженное беспмятство длится всего ничего, и пусть я каждый раз, открывая глаза, обливаюсь ледяным липким потом от простой односложной мысли: «Приснилось!». Пусть мне вновь и вновь приходится пробовать кос-

нуться мыслью братьев и получить радостный отклик спокойной силы двух могучих зверей-оборотней, готовых вырезать под ноль весь мир за старшего брата. Пусть. Зато сейчас я сижу и жмурюсь от счастья, а тело мое за последние часы изрядно подвосстановилось даже без вливания ОДП.

По всему похоже, что дар Богов распространяется не только на работу Синергии, регенерация тоже идет бешеными темпами. Я абсолютно уверен, что еще с пяток часов назад ребра слева у меня были сломаны, как и пальцы право й руки, которой я решил прикрыть бок от кованых подошв тяжелых сапожищ палачей. А сейчас дышу свободно и даже будто объем легких увеличился, подстраиваясь по задачу энергообеспечения в отрыве от вливаний манны.

Итак. Касание... «Брат, как дела?». В ответ – яркое и незабываемое чувство, как если бы меня лизнули шершавым мокрым горячим потоком силы прямо в душу. Язык общения у близнецов все же собачий, и хотя меня они прекрасно понимают, но сами разговаривают образами. Надо сказать, это, оказывается, куда более информативно, нежели общение посредством слов.

Раньше, причем не только в первых жизнях, но уже здесь, в посмертии, даже получив великую награду судьбы – двух смертельно преданных мне волкодавов, я был уверен, что собачьи умишки не то, чтоб совсем простенькие, но до человеческих сильно не дотягивают. Теперь даже стыдно. Они не простенькие, не глупые и даже не стоит пытаться срав-

нивать их с пятилетним ребенком, или иными путями при-
нижать песьи когнитивные способности. Они, и я говорю в
целом о животных, просто мыслят иначе, оперируя целы-
ми многомерными массивами образов. Потому их «речь», в
смысле лая, мяуканья и прочих звуковых сигналов, является
лишь способом привлечь внимание и передать общую эмо-
циональную окраску. Вся суть содержится в транслируемом
в этот момент пакете чувств. Куда и как транслируемом? Ну,
сейчас я полагаю, что некое инфополе, или ноосфера не име-
ют ничего общего с досужими выдумками и обязаны нахо-
диться в области интересов самой что ни на есть актуальней-
шей физики. Но то все – размышления.

Я обратился к Мраку, интересуясь в первую очередь не
его собачьими делами, с ним все будет окей, я уверен. Заин-
тересованность моя сейчас лежала в области экспериментов.
И зверь понял меня, совершенно не собираясь, кстати, оби-
жаться. Еще одно различие с людьми, ведь сам я был уверен,
что могу нешуточно обидеть мальчика, сразу и без обиняков
требуя «передать трубку» МиссТи. Но нет, пёсель четко раз-
деляет время игр и время битв.

– Пусть женщина коснётся твоего камня, я хочу кое-что
попробовать.

В ответ Мрак стал транслировать поток сенсорики, и я
обнаружил себя на некоторое время бегущим по палубе ко-
рабля похожего на ракетный крейсер Миссури. Ого! А я-то
решил, что деревянный парусник и есть стандартный образ

транспорта Лиги.

– Серж, почему твой корабль выглядит так, как выглядит?

– Мне так удобнее, – пожал плечами кэп, – И он – не корабль, Сутро, он – транспорт, – последнее слово было подчеркнуто особо, – Волновая структура, способная иметь любой совершенно вид.

– Я так и понял. Спасибо, друг.

Мрак промчался по открытой палубе, выбивая из металла когтями рассыпчатое гулкое стаккато, кубарем скатился по крутой решетчатой лесенке, затем были узкие коридоры с множеством переборок и открытых в них толстенных дверей с кремальерами, потом – снова лестница, другая, третья, снова коридор. Я уже было стал переживать, не находится ли моя МиссТи на положении пленной, но тут же одернул себя, Мрак-то гоняется по кораблю воплоти, значит и с девушкой все в порядке.

К концу маршрута, кода бег остановился около одной из дверей, я понял, что в этой части транспорта совершенно тихо. Значит это пассажирский сектор, а я-то разошелся! Скребанув пару раз, похоже, что даже из вежливости, по двери своей медвежье лапой, зверь развоплотился. Меня обдало потоком сенсорики настолько не пригодной для восприятия неподготовленным организмом, что из дальнейших событий я выпал на несколько мучительно долгих секунд, скрученный в тугой узел жестоким сухим рвотным спазмом и головокружением по силе сродни тяжелой контузии. Отпустило

меня, по-видимому, одновременно с воплощением Мрака в каюте МиссТи.

– Больше так не делай! – кажется, даже в мыслеречи сейчас прозвучали унизительно жалкие ноты беспомощного страдания, – Предупреждай, или рви связь! Я чуть не сдох...

В ответ пришло нечто скомканное из веселой насмешки и жгучего стыда за нее. Зверя позабавила моя слабость, но затем он устыдился. Вот как... Не чуждо ему, значит, будем знать. Я мстительно усмехнулся уголком рта, однако ворвавшийся в голову милый голос стер все остальные чувства.

– Сэр Сутро! Как Вы... ты... как ты? Что с тобой?! Я уже иду!

В последней фразе прозвучала такая угроза, что я невольно поежился. Боги! Этот мир еще не догадывается, какую беду на себя накликал! Вновь мстительная усмешка коснулась моих губ. Трындец вам, идиоты! Вы пробудили и призывали Гиблый Туман Леса!

– Сутро... ты цел?

– Да, Мис, все в порядке. К тому ж ты не поверишь, но я тут обзавёлся другом! Нас собираются использовать в каких-то смертельных гонках с тотализатором, или что-то в этом же ключе. Будь очень, просто предельно осторожна, охотница! Они ловят героев! У них есть специальное оборудование для нарушения связи с Колизеем. Я преодолел барьер, но это скорее случайность вкупе с волей Богов, чем статистика. Не хочу тебя потерять!

– Капитан Диаш обещает прибытие через пару-тройку часов в зависимости от каких-то хронотечений. Где тебя искать?

– Не знаю. Но попробуй связаться с Карлом, гоблином. Он сталкер, или если смотреть уже, то ассасин, скрытник. Древний герой с заданием на содействие нам. Не знаю, как дать тебе на него наводку, интерфейс у меня все так же отключен, да и почтой один черт пользоваться на этом Вызове запрещено.

– Не запрещено. Я когда села на транспорт Торговой Лиги, Птыц сразу объявился с ворохом корреспонденции. Видно, запрет распространялся лишь на первый этап задания. Я постараюсь найти этого Карла. Сутро...

– Да, Мис, я пока здесь, хотя чувствует мое сердце за нами уже идут.

– Не рассчитывай, что я стану осторожничать, вместо спасения тебя! Я...

– Главное не попадись этим тварям и будь где-то рядом. Кстати! – пришедшая мысль так развеселила меня, что я аж заговорил вслух и ЛаВега уставился на меня широко распахнутыми глазами, заполняющимися как строчка прогресса загрузки ясным и оттого веселым и даже шальным пониманием, – Поставь на победу Сутро МакСимбола и Серхио ЛаВеги. Ставь все, не жмись, деньги нам понадобятся. Если сможешь занять или продать по случаю что-то не особо нужное, но ценное – милости просим. Хрен им, а не наша смерть!

Смотри...

Последнее я произнес громко, намеренно привлекая внимание не только девушки, но и кэпа. У старого морского волка не должно оставаться сомнений в нашей грядущей победе, да и помощь в планировании, если что, мне тоже может понадобиться.

Короткое мысленное обращение к Колизею и в камере всего на долю секунды стало тесно от заполнивших весь ее объем двух стогов меха: черного и белого. МиссТи охнула, когда Мрак на мгновение исчез, чтобы вместе с Духом проявиться подле меня, а потом снова оказался в ее каюте, довольный и повизгивающий от восторга личной встречи. Кэп расхохотался! Здоровенный воин, лежавший до этого кулем в углу нашей камеры, подскочил и заозирался, пока такие же пластиковые кандалы притягивали его руки к стене, а ноги – к полу. Ну а меня переполнили два потока ликования и предвкушения знатного веселья: черный и белый.

– Мис, не уверен, но может получиться. Капни кровью на медальон Мрака.

Девушка не стала тратить на пустое и, молча проколов палец ножом, мазнула по алмазу в серебряное оправе.

– Дополнить Синергию новой кровью?

– Да!

– Дублировать кулон Синергии для героя

ID31248712345987002634-

LAVERATERRA-9879764-000000000000002 МиссТи? Выполнить сонастройку?

– Да!

– Ой! – в руки девушке упал такой же, что остальные три, медальон, только в серебро здесь был оправлен изумруд, – Что это? – впрочем, ответа не требовалось, и МиссТи моментально застегнула цепочку на шее, – Мне предлагается выполнить сонастройку с героем и дальше огромный хвост из цифр и букв... О, Ла Вера Терра – истинная Земля!

– Что после нулей?

– Единичка...

– Я так и думал. У тебя – двойка. Знаешь, Мис, мне почему-то кажется, что за нас можно больше не беспокоиться. Помучают, конечно, изрядно, но живы будем, не помрем.

– Не хорохорься, Титан! Будь серьёз...

Связь оборвалась резко и грубо, по мозгам полоснуло лезвием боли. В уши ворвался звук на грани слышимости, но я был уверен, что боль именно от него. Всех троих скорчило, на лице капитана застыла гримаса страдания, воин угас, но следом тело его забилося в конвульсиях, мои мышцы вывернуло наизнанку в перманентном спазме, из носа, глаз и ушей хлынула кровь.

Последним, что я увидел, были двое палачей в фартуках и за их спинами какой-то квадратного вида мужичок с огромной выкрашенной в золото бородой, увидеть которого полу-

чилося лишь потому, что палачи разошлись в стороны. Бородач был ниже их вполтора и вряд ли дотянулся бы маковой мне до груди. Дальше зрение и слух отказали, а единственным чувством осталась ввинчивающаяся в голову и позвоночник боль. Твари...

– Вот видите, сударь мой Первый Иерарх, нет ничего страшного в нашем с Вами маленьком взаимодействии! – лицо незнакомца излучало дружелюбие и полнейшую расположенность к персоне Пистаччо Карапуцци, что, впрочем, ни на малейший миг того не ввело в заблуждение.

– Вы называете это взаимодействием? Что ж, я не против взаимодействий, вся политика – одно сплошное взаимодействие, а я как никак – именно политик. Но не могли б Вы потрудиться объяснить мне хотя бы, где мой секретарь. Я, простите, привык к этому живому и даже привязался. К тому ж он всегда готовил отличный отвар и давал дельные советы.

– Ваш секретарь сегодня взял выходной и сейчас он направляется отдыхать на одном из транспортов Лиги к купе миров «Парадизлост» ради охоты на лизардоподов и, конечно же, ради свободных нравов местного населения.

– То есть он живой?..

– А с чего бы ему не быть таковым? – мужчина улыбнулся и смахнул с бесценного призрачного шелка пиджака несуществующую пылинку и продолжил абсолютно невозмут-

мо, — Он же не сидел в локальной свертке пространства, как некоторые.

— Ясно. Итак, сударь мой, проситель, — Пистаччо был политиком до мозга костей, а еще он был аристократом в превосходной степени этого понятия, потому самообладание, было, оставившее его ненадолго, уже давно вернулось и теперь разговор клеился куда лучше, нежели до холосеанса, — Я увидел смерть дельца, смерть охотника, прекрасного, кстати, охотника, легендарного, — Пистаччо стал ошеломительно честен, чувствуя остро и неотвратимо, что это сейчас и есть путь, — но готов ставить жизнь против крысего хвоста, что это была лишь скромная прелюдия действительно впечатляющих новостей!

Костюм ценой в половину хорошего мира и это — не фигура речи, ибо стоимость призрачного шелка никогда даже не переводилась в ЭнергоЕдиницы и всегда исчислялась лишь в эквивалентах не менее редких, но более доступных, таких как синтесвет, планеты-колонии кристаллидов, незаселенные звездные системы с богатыми внешними поясами, пустотные станции с военной инфраструктурой не ниже 2F и заявленной автономной обитаемостью не менее чем на сто тысяч разумных. Пистаччо сам носил такой, потому и к посетителю сейчас решил относиться именно как к равному себе или сильнейшему дельцу, политику, негоцианту, но никак не воину. Не по воинской мерке этот субчик скроен!

В чем разница? В чем суть? Да очень же просто! Вояка

будет руководствоваться совершенно абстрактными понятиями, такими как приказ, честь, месть, справедливость и прочая непредсказуемая и совершенно не поддающаяся манипулятивному контролю лабуда. Разумный же делового склада, как сам Первый Иерарх, напротив полностью рационален и всегда готов вступить в диалог во имя выгоды. Выгода – вот истинная суть любых переговоров. А значит о ней и нужно вести речь.

Да, в начале беседы целью была заявлена справедливость, но кто же станет бросать на стол козыри в самом начале игры? Оппонента нужно сбить с толку, ввести в царство иллюзий и уже лишь потом обобратить до нитки. Пистаччо собрался и наконец смог принять расслабленный вид. Он просчитал дальнейший ход событий и теперь взялся за знакомое и любимое дело – игру!

– О! Не извольте сомневаться, дражайший мой Иерарх! Сегодня Вам точно не придется соскучиться. Но, однако ж, помнится в самом начале нашего без сомнений взаимовыгодного знакомства, я заговорил о восстановлении некоей справедливости...

«Ну вот, – Пистаччо поздравил сам себя, не позволяя довольной улыбке коснуться его мимических мышц, – чего и следовало ожидать. Сейчас он станет устраивать пляски вокруг жертвенной девственницы, а потом выяснится, что при всем его могуществе без Иерарха Карапуцци никак не получается повернуть какое-нибудь дельце на полгалактики це-

ной!». Улыбка все же выплыла из-под массивных брыльев, кривя жирные синюшно блестящие губы, но то была улыбка вежливого понимания – просто очередной жест дипломатического языка.

– Безусловно, я тоже помню, с чего мы с Вами начали. Итак, подскажите же мне поскорее, какую справедливость мы станем восстанавливать, – он потер ладони в жесте нетерпения, – я весь сгораю от любопытства!

– Конечно. Речь идет о некоем Горригане Гормгроге, дварфе. Мне бы хотелось, чтобы этот живой присутствовал при нашем дальнейшем разговоре, ибо сможет нам с Вами немало помочь разобраться в одном запутанном дельце.

– О! Знаю такого пройдоху, знаю. Я бы сейчас даже повелел его найти и притащить сюда, но боюсь голос мой ныне утонет в пустоте кабинетов, – наигранно сокрушенно склонил голову и развел руками Иерарх, – так что не представляю, чем сейчас помочь продолжению нашего занимательного диалога...

– Не беспокойтесь, Ваше всемогущество, на данном этапе никакая помощь нам с Вами и не потребуется, все пока что ладится само собой.

Помутнение отступило так же внезапно, как и пришло, но вот последствия сходили еще долго. Головная боль отступала медленно и монотонно, как Кутузов под Москвой, нехотя.

Кровь в висках перестала пульсировать примерно через полчаса после первого прояснения сознания, зрение стало возвращаться еще немного позже, однако уши как были безнадежно заложены, так и оставались еще несколько часов.

Вопреки моим предчувствиям нас не погнали на арену или на полигон. Лишь, пока мы были в отключке, снарядили плотными шлемами и туго облегающими, но не сковывающими движений костюмами и усадили в кресла с зажимами для рук, ног и фиксатором головы. Не сказать, чтобы произошедшие перемены внесли в компанию позитивный настрой. Даже Серхио приуныл и как-то сжался, съежился. Я хотел было спросить, что не так, но не услышал даже собственного голоса, не то что каких-то звуков снаружи. Равномерный глухой гул в голове, вот и весь аккомпанемент обстановке.

– ...утро... Сутро... Сутро... Сутро, ты меня слышишь? Сутро...

– Да, МиссТи, слышу. Ты где?

– Я сошла с корабля, меня у трапа встретил один странный гоблин в шутовском наряде. Ты его знаешь?

– Это Карл, – от сердца резко отлегло, тысячетный сталкер надежен как швейцарские часы, – он разве не представился?

– Нет, но просил передать тебе, чтобы ты держался, помощь будет. Он помог мне заселиться в то, что здесь называют комната – огромные апартаменты с балконом, на балконе – бассейн. Четыре жилых комнаты: три спальни и коро-

левская зала для совершенно неясных целей, потолок метров десять, площадь – квадратов сто. Если честно, я не знаю, как себя вести и что делать во всем этом роскошестве, но гоблин... Карл выдал мне карту-пропуск, которая позволяет с терминала зайти на скачки, смотреть, делать ставки, участвовать в обсуждениях. Макс, они что, виртуальные?!

– Понятия не имею... Судя по тому, что нас обрядили в какие-то скафандры и зафиксировали в креслах, бег по пересеченной местности в ближайшее время вряд ли предполагается. Сколько осталось до старта?

– Две доли. Это меньше десяти минут.

– Значит – виртуальные. Это все несколько осложняет. Ладно, слушай внимательно. Надеюсь, связь там у нас останется. Мне нужна будет от тебя вся статистика. Понимаешь?

– Да, не первый день в игре, – она усмехнулась легко и по-деловому, явно входя в рабочее русло и готовясь биться насмерть, это придавало сил.

– Если скачки виртуальные, но там реально сдохнуть, да еще и с концами, то мне прямо сейчас нужно понимать, что это за бесовщина планируется. Мне-то сдохнуть не смертельно, а вот Серегу бы вытащить живым.

– Серегу?..

– Потом. Какова программа развлечений? Что за конкурсы? Ищи срочно!

– Уже. Так. Нейроскачки. Для исключения возможности побега и перерождения герои погружены в виртуальную ре-

альность со стопроцентной обратной связью. Главное преимущество героя перед обычным, здесь, кстати, написано «нормальным», живым в его изначальной жизненной силе и сверхспособностях. Их он сможет применять в виртуальности без ограничений. Чем сильнее был герой до начала скачек, тем дальше он сможет пройти до наступления окончательной смерти. Количество раундов за один день – три. Те, кто выжил в трех раундах остаются на следующий день и так до последнего трупа. Если герой выжил четырнадцать дней подряд, ему даруют свободу!

– Ага, а еще саблю, фломастеры и щенка бульдога. Отличная шутка! Мис, кто заявлен?

– Здесь двадцать восемь имен. Ты – третий с конца.

– Логично. Кто последние двое?

– Серхио ЛаВега, человек, маг пространства и Энвэ Храброе Сердце, человек, воин берсеркер. На вас кстати самые высокие коэффициенты, предполагается, что вы не доживете до второго раунда.

– Стоп! Энвэ? Ты сказала Энвэ Храброе Сердце, я не ошибся?

– Да... человек, воин... А что такое?

– Ничего, но теперь мне нужно вытащить не одного только Серхио! Черт... Как-то я не рассчитывал на такое...

– Вы идете тройкой в первый забег. Лабиринт. Макс, это не соревновательный забег. Вы можете выжить все трое. Вам не нужно конкурировать!

– Слава Богам, будь они прокляты! Мис, мне нужно подготовиться перед началом. Слушай... Не знаю, мне не с чем сравнивать, но я, кажется, уверен, что люблю тебя! И... я выберусь отсюда и друзей вытащу. Береги себя, будь внимательна. Предельно внимательна, МиссТи! Если будет связь, то диктуй мне дорогу, наверняка у тебя перед глазами окажется весь лабиринт. Все, до связи.

– Сутро...

– Да.

– Ты странный и... я тоже... тоже, кажется, в тебя втюрилась как дурочка. Будь силен, Титан! Помни, кто твои враги!

Я расхохотался и смеялся еще с минуту, представляя, как МиссТи прикалывает мне под отворот комбинезона золотой значок сойки пересмешницы. Потом собрался, оглядел друзей. Так вот ты какой, воин берсеркер Энвэ Храброе Сердце! Что ж, здравствуй, брат. В ушах до сих пор вата, так что пытаться разговаривать не имеет смысла. На арене поговорим, если будет возможность.

Я выдохнул, закрыл глаза и стал замедлять дыхание, сохраняя при этом ощущение связи со всеми тремя моими родными душами: двумя близнецами – братьями по оружию и МиссТи – любовью всех моих жизней. Эти мысли помогли, я стал видеть их образы, чувствовать их рядом с собой, знать их мысли, обонять, осязать их, слышать их сердца и дыхание. Я слился с ними полностью, не теряя притом целостности себя.

Сперва внутренний диалог рвался наружу, аж сводило ноги и руки, но, то ли смерть за плечом нашептала быть серьезней и спокойнее, то ли ответственность, но возникшая в голове живая тишина устранила все чувства, кроме готовности, собранности и близости тех, кого я полюбил.

Именно в этом состоянии Синергии, о да, теперь я знаю, что это за чувство, я и материализовался на каменистой площадке, небольшом обрывистом выступе над умопомрачительной пропастью. Слева проявился кэп, справа – Энвэ. Впереди в небо вонзилась сплошная отвесная скальная стена, уходящая в облака, расколота снизу доверху неровной узкой вертикальной трещиной входа в лабиринт, истекающей протуберанцами ледяной тьмы.

– Энвэ, рад тебя видеть, брат!

– Сэр Сутро! – берсерк мгновенно просветлел лицом, повеселел, – Как жаль, что напоследочек, да?

– Рано тризну заказывать, дружище, мы еще спляшем на костях наших врагов, клянусь Богами Колизея, будь они прокляты! – по горам прокатился низкий рокот лавины, и мы все втроем со смехом обнялись, я посмотрел туда, где как мне казалось могла бы быть камера, – Что? Веселья захотели, твари? Будет вам веселье, не будь я Титан Сутро МакСимбол, бросивший вызов Богам! Мы выживем здесь и станем сильнее. Слышите, твари? – я потыкал пальцем в пустоту, остро ощущая, что прямо сейчас его кончик уткнулся в носы миллиардов истекающих слюной пустоголовых неписей,

– Мы выживем, а вот вы – нет! Трындец вам, убогие!

– Макс, слышно?

– Да!

– Впереди прямо сейчас готовится засада. Это одна из таких же троек, но они о вас знают. В сотне метров от входа – нагромождение камней, там засел лучник. Над ним метрах в десяти на небольшом выступе – маг-огневик, и где-то еще ассасин-скрытник, его не видно и на его удачу сейчас самый низкий коэффициент. Похоже, все ставят на то, что именно он пустит первую кровь.

– Понял, дай подробнейшее описание, чтобы там в горячке не озираться.

Пока Мис диктовала мне расположение, вооружение и планы засевших на легкую дичь охотников, я закатал рукав простой льняной рубахи и разорвал зубами вену на запястье.

– Делай как я!

Никаких вопросов, молодцы ребята! Мы соединили ули-
тые кровью руки, я смахнул поток уведомлений и...

– Серхио, Энвэ, МиссТи. Как слышно?

– Слышу.

– Принимаю.

– Я все так же здесь, Макс.

– Ну тогда все. Погнали!

Глава 8

Покойся с миром, брат, нас выкупила смерть.
Забудь невольничью голодную судьбу,
Забудь и плеть, нам не придется впредь
Тащить хозяина на взмыленном горбу!

Закрой глаза и больше не дыши,
Нас не заставят драться на песке,
Не сгложут вши, и пайки не лишит
Такой же раб, но с плёткою в руке.

А если жив еще, руби своим мечом,
Коли своим копьем сердца рабов,
Сведи их счет, не думай ни о чем,
Иди на смерть, но к жизни будь готов!

К жизни будь готов! Эх, к жизни будь готов!
Ты раб среди рабов, ты раб среди рабов.
Иди на смерть, о ней моли Богов,
Но будь готов, раб, к жизни будь готов!

(Песня рабов-гладиаторов в одном из миров Колизея)

Горриган Гормгрог был не просто доволен собой, он прямо-таки лучился счастьем. Сегодня он наконец-то возобновил скачки героев! Это событие наполнит его счета долгожданными энергоединицами. А все почему? А все потому, что его новый компаньон – сам Первый Иерарх Карапуцци! Ай да Горриган Гормгрог, ай да Золотая Борода!

Горр, приплясывая, шел по коридорам отведенного под аттракцион укрепленного бункера на нулевом, когда к нему подбежал один из мальчишек-посыльных, тех, что снуют туда-сюда никем не замеченные. Босоногая почта несет службу на всем дне, передавая послания со скоростью хоть и ниже, чем у мнemoинтерфейсов, но зато по надежности дает им сто вперед.

Никакая новость не могла сейчас испортить настроение дварфа, только что лично запустившего первое за почти двадцать стандартных лет Колизея «Шоу Справедливости», как называют еще скачки в народе. Продажи карт-пропусков и первые ставки уже сейчас чуть не удвоили состояние Золотой Бороды! А к вечеру планируется приток единиц примерно в тысячу процентов от утреннего! Душа Гормгрога пела, а ноги сами собой отбивали Каменный Дрыг – главный дварфийский танец для самых важных торжеств.

– Что тебе? – добродушно и даже радостно осведомился у грязноногого заморыша повелитель дна.

– Вот. Велено проводить, – малец, нисколько не смущаясь могущественного дварфа, вручил тому свернутый вчетверо

лист синтепласта.

Горр ощутил мгновенный укол страха, словно тысячи мелких игл закололи тело, вводя свой яд, тормозя синапсы, туманя разум, размягчая мышцы и кости. В глазах на миг потемнело, дыхание оборвалось, споткнулось. Однако же, быть повелителем дна не для тех, кого страх способен захватить всецело, и Горриган стряхнул липкие тенета, одним глубоким во всю могучую грудь вдохом разорвал оковы. В толстые, униженные перстнями пальцы вернулась прежняя сила и точность. «Доволен тобой. Ко мне!» – гласила единственная строчка вязи. Что ж, только один живой на всем Величии мог позволить себе такое послание ему, Горригану Золотой Бороде, и это один не умеет ждать подолгу.

Дварф передал листок одному из телохранителей и уверенной походкой последовал за мальчишкой, прытко припустившим по коридорам и лестницам. Им пришлось миновать несколько до невозможности узких проулков и каких-то захламленных коридоров, повсюду стояла жуткая вонь крысего дерьма и немытого хумана. Горриган дал себе зарок больше сюда ни ногой. Конечно же он не догадывался, что это будет, пожалуй, первый и единственный зарок в его жизни, который он исполнит от и до.

Мальчишка отдернул в сторону грязный, заляпанный чем-то органическим, воняющий гнилью широкий лоскут синтепласта, за которым обнаружился вертикальный хорошо освещенный круглого сечения тоннель, приятно пахну-

щий ничем, со стоящим на удивительно чистом размеченном желтой светящейся дорожкой пластибетоне флайером. Рядом с открытой дверью аппарата два Преторианца развеяли последние страхи и опасения, так что Горр, вполне довольный собой, плюхнулся в роскошное натуральное кожаное кресло, мысленно уже проигрывая возможные диалоги с Первым Иерархом. Он улыбался.

Мы слитно двинулись ко входу в расщелину, навстречу битве с первой тройкой подосланных по наши души убийц. Интересно, где удалось организаторам отловить такое количество героев? Двадцать восемь бессмертных! Это требует, как минимум, скрытности. Ладно я – пустышка, никому не известный новичок, вечно влипающий в гибельные передраги. Но есть ведь и нормальные герои с кучей знакомств и даже друзей. Неужели их никто не хватился? Или все участники сегодняшних скачек – такие же как я, бери голыми руками, не обожжешься?

– Серж, Энвэ! Никто не должен узнать о нашей мыслесвязи. Это недокументированная особенность.

– Да, ясно же ж, – лицо берсеркера не отразило ни единой эмоции, а вот его голос в моей голове напротив, был полон яркого и живого веселья, – Полагаю, это – не единственная твоя недокументированная особенность, дружище! Как помнится по нашей предыдущей встрече, ты умеешь удивить не

то что человека, но и самих Богов, будь они прокляты!

Энвэ весел, хотя и уверен в нашей неотвратимой гибели. Таков же и Серхио ЛаВега. Вероятно, это со временем приходит к каждому живому. Энвэ ведь тоже совсем даже не молодой герой. По его статистике судить, этот безумец прошел уже более тысячи миров, а такое – не год и не десять.

С одной стороны, меня бесит их заигрывание со смертью, их разухабистый фатализм. С другой же – именно это холодное веселье и возвращает меня к здравомыслию. Рядом со мной сейчас два закаленных в бесчисленных битвах отморозка, ни в грош не ставящих ни жизнь, ни смерть, но, однако ж, и помирать за так не собирающихся. Хорошее подспорье!

Я попробовал открыть интерфейс и с удивлением получил отклик. Правда, уже через миг стало ясно, что это, как и все вокруг – лишь симуляция, подделка. Нам дают возможность пользоваться нашими способностями, считывая информацию о них напрямую из мозга, или как оно тут реализовано.

Интерфейс был не моим и достраивался прямо на ходу. Заметив это, я тут же стал думать о себе, как о герое с неизвестными, неоткрытыми пока еще свойствами, инструментами и особенностями. Мозг опытного наркомана на такое способен вполне.

Чтобы не свихнуться и не сдохнуть под воздействием избыточной порции психотропа, при банальном передозе то есть, жизненно необходимо уметь убедить себя налету в чем

удочно, что называется, в прыжке переобуться из коньков в ласты. Вот и теперь я стал с интересом изучать серые иконки интерфейса и приговаривать про себя, что было бы здорово узнать, что же за возможности под ними скрыты.

Мы шли уверенно, но совершенно никуда не торопясь. Судя по собранным лицам и снующим туда-сюда челночками глазных яблок, мои друзья сейчас были погружены в работу с интерфейсом. Пришла пора откровенности.

– Серхио, Энвэ, у вас есть реальный опыт командования отрядами? Понимание тактики и стратегии, или что в нашем случае вообще нужно? Я полный ноль, если честно, и рассчитываю только на вас...

– Не дрейфь, сэр Сутро! – Мыслеголос кэпа бодр, весел и жизнеутверждающ, – Думаю, нам нужно остановиться и поговорить вслух, пока наши малоуважаемые зрители ничего не заподозрили.

– Полностью поддерживаю, друг! Этот маг дело глаголит! Мы идем молчком, как на параде. Странно ведь. Не так?

До входа в расщелину осталось уже не более пары десятков метров, и я свернул чуть в сторону к куску скальной породы, отколовшемуся откуда-то сверху многие годы тому и за время изрядно обтесанному непрекращающимися здесь ветрами. Пусть послужит круглым столом. Время военсовета, господа!

– Что делать станем, товарищи гладиаторы? Меня не покидает чувство тревоги, а ему я привык верить, еще ни разу

не подводило. Не думается мне, будто путь впереди никем не охраняется.

– Согласен, – Энвэ, хлопает широченной ладонью по камню и секунду спустя в ущелье раздается ответный хлопок эха, повторяющийся за тем, затухая, еще с полминуты, – Хммм... странная здесь физика... М-да... Полагаю, совать голову в Диаболову задницу нужно уж хотя бы с предосторожностями. Предлагаю каждому озвучить свои возможности, навыки и опыт, а после мы попробуем распределить роли.

– Поддерживаю и начну первым, если уважаемые господа не имеют ничего супротив, – капитан отсалютовал своей треуголкой, заставив приколотое к ней перо обмести и небеса, и землю, – Меня зовут Серхио ЛаВега, господа! Моя стихия – магия пространства. Порталы, пространственные свертки, поиск и создание тайников, расчет перемещений по междумирию и много еще разнообразных фокусов, которые можно учинить над пятимерным миром, обладая достаточным количеством энергии. У меня есть вот эта шпага, она способна проникнуть сквозь любую преграду, не теряя притом импульса. У меня есть вот эта вот подозрная труба и она позволяет мне видеть потоки Истины на любых расстояниях...

– Потоки Истины? – переспросили мы с Энвэ хором.

– Да. Истина, Манна, Сила, Дыхание Богов. Как только не называли живые на моей памяти эту субстанцию. Собственно, Очки Истины резервируют за героем некоторое ко-

личество силы, из которой все и соткано. А потоки... Когда идешь сквозь ничто междумирья, то важно не упустить и не спутать поток Истины, или, если желаете хронопоток. Истина – это время в самом широком смысле. Ясненько? – ничего ясненько конечно же не стало, но кэп, кажется, и не рассчитывал, – Что касается опыта, то я провел бесчисленность боев за свою Рианнон, абордажных боев, разумеется. И, хотя в той кутерьме, что начинается на палубе, кода на ней оказываются пираты, как таковое командование теряет всякий смысл, но вот мероприятия по боевому слаживанию экипажа давно стали моим основным занятием в плаваниях.

Капитан ЛаВега умолк и учтиво кивнул в никуда, передавая очередь следующему желающему. Я пока не решил, какие именно из своих козырей раскрывать, а какие припрятать до решающей битвы, а потому не упустил возможности повторить кивок Серхио, но уже в сторону Энвэ, назначая тем самым именного его следующим желающим. Могучий воин поскреб пятерней в затылке, задумчиво и как-то неуверенно, а может и подозрительно даже огляделся. Затем, будто в раз что-то решив, заострился, подобрался и, прочистив горло, заговорил, руша первыми же словами все наши только намеченные планы.

– Меня зовут Энвэ Храброе Сердце, и это не совпадение, – он посмотрел в небесную грозовую круговерть над нами, замирая на секунду, затем ткнул в низкое свинцовое небо пальцем и оскалился, зарычал, – Не совпадение, пададь! Я –

Энвэ Храброе Сердце, Энвэ Кровавый Последыш! Я! Энвэ! Престол! И я вернулся, чтобы карать!

Меня только и хватило заметить, как глаза капитана Ла-Веги распахнулись до совершенно неправдоподобных величин, и в тот же миг картинка мира, только что такого реального дернулась и замерла, пропали разом все чувства, лишь в голове затараторил звонкий колокольчик мыслеголоса МиссТи.

– Жесть! Макс, это жесть! Ставки... Слышишь, скачки приостановлены на одну часть – примерно полтора часа. Ставки не принимаются... А, нет, стоп! Мне только что вернули деньги вместе с коэффициентом!!! Слышишь меня?!

– Продолжай.

– Здесь переполох. Голосования и прочие чаты бурлят негодованием и восторгом. Народ ликует, другие же – в ужасе и панике. Кажется, твой дружок – ну уж очень непростой персонаж... Да, вот что говорится в сети... сейчас... ох-ре-не-е-еть! Макс, это джек-пот! Слушай...

Флайер с тихим шипением опустил двери и спустя миг рванулся вверх по колодцу взлетного тоннеля напрямик в далекое небо над Величием. До резиденции Пистаччо Карапуцци примерно полчасти лету, учитывая густоту трафика и невозможность из соображений анонимности встречи настроить нулевой приоритет на сугубо гражданском транс-

порте.

Горр откинулся в кресле и ткнул пальцем в пространство перед собой, активируя холо-терминал. Короткий миг аутентификации и вот уже вместо крайне ограниченного, пусть и очень комфортного пространства слона вокруг развернулись видеотреки, подробная карта локации, потоки статистики и прочий неотъемлемый функционал личного кабинета распорядителя скачек.

Первая тройка бессмертных смертников... Хо-х!.. сейчас стояла в нерешительности с замершими лицами, затравленно постреливая глазами по сторонам. Горр усмехнулся в золотые дебри бороды и составил из имеющегося в руках распорядителя выбора первую тройку загонщиков. Пока что смертных, но выглядящих на редкость внушительно. Плебсу не нужно знать, что это прекрасно выученные, натренированные непосредственно на виртуальную арену бойцы, не обладающие реальным супервозможностями героев, но замечательно умеющие роль героев играть в симуляции. Здесь эти натасканные псы ничем почти не отличаются от реальных бессмертных магов и воинов. Почти. И это «почти» сводит всю их угрожающую внешнюю мощь на нет, ведь опыт длиной в столетия, коим в отличие от своих соперников они обделены, куда как немаловажен. У первой тройки охотников нет шансов, но голытьба уже вдохновенно ставит последние портки на их победу.

Ладони дварфа Горригана Гормгрога мгновенно вспотели

от первой же мысли о потоке энергоединиц, обрушившемся сейчас на его счета, как дождь с небес на иссушенную жаждою пустыню. В паху приятно потеплело, и возбуждение стало распространяться от низа живота по всему телу, пьяня и лаская.

Невозможно оставаться живым повелителем дна, не умея спать вполглаза, слушать неслышимое и видеть невидимое, а Горр оставался живым уже больше сотни лет кряду, уж о чем-то это да и говорит. Как бы не ослепляла сейчас эйфория всевластия, золотой лис был настороже и при первых же звуках опасности ткнул толстенным сплошь волосатым мизинцем в виртуальную кнопку с пиктограммой «Стоп!», ставя всю симуляцию, а также внешние процессы, такие как вещание, прием ставок и выплату коэффициентов на паузу. Твою ж диаболову мать!

Лопатообразная ладонь потянулась к короткому видеотреку, уже подготовленному искином по первому же сигналу тревоги, и изображение заполнило собой все пространство, оставляя дварфа наедине с рычавшим, казалось, прямо ему в лицо необхватным во всех пропорциях воином.

«Меня зовут Энвэ Храброе Сердце, и это не совпадение, – он посмотрел в небесную грозовую круговерть над скальной площадкой, где стартовала группа, замирая на секунду, затем ткнул в низкое свинцовое небо пальцем и оскалился, зарычал, – Не совпадение, падаль! Я – Энвэ Храброе Сердце, Энвэ Кровавый Последыш! Я! Энвэ! Престол! И я вернулся,

чтобы карать!»

Твою диаволову мать! Это лицо и вправду невозможно спутать ни с каким другим... Да как же так-то?! Он же сам только что смотрел на этого стервеца вживую и не увидел этого очевиднейшего сходства с портретом Великого Узурпатора... Вот же ж крысье дерьмо!

И кстати о дерьме. Оно закипело в один неразличимый миг. Вся сеть игры буквально взорвалась, разделившись два лагеря. Как водится в лагерях «за» и «против» дураков набралось примерно поровну, так что требования «Освободить!» и «Уничтожить!» двумя могучими волнами нависли сейчас над бедной Горровой головой. Вот же ж крысье дерьмо!

Пальцы пробежались по виртуальным рычагам управления, выдавая в эфир сообщение о возможном взломе, вынужденной паузе в играх и обнулении ставок с выплатой всех коэффициентов. Последнее, кстати, несколько поправило самочувствие от природы скупого дварфа, поскольку зафиксировало на данный момент умопомрачительный профит его бесчисленных брокерских бюро. Лишь несколько внушительных ставок на победу тройки героев болезненно впились когтями в золотые бубенцы, и Горр, не будь он Гормгрог, сразу же почувствовал себя просто обязанным установить мониторинг аккаунтов, с которых эти ставки были сделаны. Кто это там такой прозорливый? А главное, с чего бы это?!

Уже не первый раз МиссТи поймала себя на мысли, что почему-то безоговорочно доверяет этому странному парню. Здоровые к тому причины, даже имейся они на белом свете, были ей совершенно не очевидны. Титан, богоборец, паладин... Все эти титулы, безусловно, характеризуют сэра Сутро с наилучшей стороны, но они же и как бы подчеркивают, вопиют даже: «Беги от него, девочка! Этот парень не может и секунды прожить без приключений. Тебе разве мало было в той твоей жизни, которую ни забыть, ни развидеть не получится?!». Так-то оно так, конечно, все верно, и этот Титан – просто магнит для неприятностей, но вместе с тем... Вместе с тем, именно этот мужчина с глазами смертинка и подарил ей впервые за все времена надежду, покой, уверенность.

Происходящая сейчас в сети истерия, судя по шуму за окнами и на каналах информатория, уже выплеснулась на улицы. Волна народного недовольства и ответной агрессии властей, порожденная надменным высказыванием того берсеркера, не может не добавлять нервов даже бессмертному. Но Макс, а она просто-таки уверена, что таково и есть его истинное имя, Макс верит взбалмошному воину и называет его другом... Пум-пум-пум... Да как же так-то, а?

В чем, собственно, суть проблемы? Нежданно негаданно Энвэ Храброе Сердце вернулся. Древний правитель, собиратель земель, тот, чьей волей чудовищные законы замкну-

того и жестокого мира Пантагареи были переписаны в пользу обычных людей и на погибель врагам. Он вернулся, спустя века новой истории, вернулся, чтобы увидеть свое детище... И что он видит? Кругом творится несправедливость и беззаконие, расслоение общества достигло масштабов катастрофы, все, по сути, вернулось на круги своя, даром, что не свернута экспансивная политика. Народ увидел былинного вождя и почуял волю, поверил в символ, а под властью ощущимо закачался трон.

Все бы ничего, и даже здорово, наверное, было бы поучаствовать в революции. МиссТи мечтательно закатила глаза и позволила себе несколько томных мгновений фантазии, где они, бессмертные герои, приносят закон и порядок, мир и справедливость триллионам живых. Да, все бы хорошо, да вот незадача! Горе-освободители сейчас заперты в виртуальном пространстве подпольного аттракциона, а на их жизнь и смерть чернь ставит свой потертый грош. Не лучшее время для разоблачений, казалось бы, но... Как же все это завертелось, заплелось-то так, а?..

М-да... МиссТи нервно потерла лоб, затем уронила лицо в ладони и продолжила с упорством автомата вызывать по мыслесвязи сэра Сутро МакСимбола. Ноль ответа, тишина в канале, нет даже ощущения, жив ли адресат на том конце. Отчаяние стало затапливать и без того шаткое от всех переживаний сознание девушки... обычной все еще девушки, как ни крути...

Наконец настроение безнадеги настолько плотно укутало ее своей волглой стылой казематной тяжестью, что ни звука открывающейся двери, ни шагов за спиной охотница не услышала, да и на тепло ладони, легшей на плечо, отреагировала вялым запоздалым испугом. Только уверенный с хрипотцой голос, звенящий силой, весельем и... надежностью, смог вернуть ее обратно в мир живых.

– Ну что, схоронила паренька, малая? Рано горевать. Слышишь? Живы пока наши крысики, ха-х! Еще побегают.

– А... Это ты... Вы...

Как в замедленной съемке обернувшись через плечо, МиссТи окинула безразличным взглядом давешнего гоблина. Жуткая, как по меркам Земли, образина здесь вызывала скорее даже симпатию и доверие. Станный выверт сознания. В Колизее все воспринималось как должное, минуя шаблоны и предрассудки первой жизни. Ну ладно, почти все.

Серо-зеленая, какая у ящериц бывает, морщинистая кожа, острый длинный крючковатый нос с широкими подрагивающими крыльями, желтые с вертикальным зрачком глаза. Огромные уши, своими пропорциями более приличествовавшие бы летучей мыши, чем разумному существу, пребывают в постоянном трепетном движении. Еще одна нечеловеческая особенность – рот. Бррр... У гоблина он просто огромен, и когда тот улыбается, а улыбается именно этот гoblin чуть не постоянно, выглядит это просто ужасающе. Тонкие губы, растягиваясь действительно почти до ушей, об-

нажают острые конусообразные как у акулы желтоватые зубы хищника. Улыбка крокодила выглядела бы куда как естественнее, но именно этот живой улыбается обнадеживающе, обезоруживающе и совершенно мило.

– Как Вас зовут? Простите, я не поинтересовалась сразу. Эта тревога, она...

– Убивает, – припечатал зеленый и рассмеялся, распахивая притом свою пасть чуть даже не на сто восемьдесят градусов, – Эта тревога, как и любое чувство, взявшее на себя руководство жизнью живого, очень быстро превращает того в мертвого. Карл, кстати. Таково мое имя.

– Я – МиссТи, – девушка попыталась встать, или хотя бы повернуться вместе с вращающимся креслом, в котором и просидела перед терминалом все время с момента прихода в апартаменты, не шевелясь и не вставая, но твердая несмотря на размеры когтистая рука остановила движение, – Что Вы себе позволяете?!

– Успокойся, егоза, ха-х! Одно дело делаем. Не нужно тебе дергаться, вон какая бледненькая. На вот, полопай покамест, а я тебе кой-чаво поведаю.

Жестом фокусника гоблин извлек из воздуха пластиковый судок, дернул за красный язычок, и крышка отделилась, свернулась в подобие ложки, из судка же на волю вырвался клуб невероятно ароматного и густого горячего пара. Живот предательски заурчал, кажется на весь город, а Карл вновь залился своим восхитительно дружеским и совсем необид-

ным смехом сильного существа, воина.

МиссТи взялась за еду, даже и не вспомнив поспорить или закапризничать, как обычно в подобных случаях, когда ей что-то навязывают. Гоблин сел по-турецки напротив нее прямо на пол, оказываясь при своем и без того малом росте значительно ниже, а оттого словно бы еще безопаснее, и смешным из его уст тоном ментора принялся за разъяснения.

Бродяга откликнулся довольно быстро. Надо бы знать, что этот живой был уже неимоверно стар, когда совсем молодой гоблин... Хотя... Нет, не так!

Гоблин Карл до первой смерти не был ни гоблином, ни Карлом. Сам себя он звал мужчина Мандухай Батбаар. Прочие – мальчик Ман, или мужчина грядущего дня Мандухай, именно так говорилось в его становище.

Это сейчас ясно, что родился он впервые в совсем юном еще мире, только-только оказавшемся на самой дальней периферии, но уже внутри, Колизея. Тогда же Ман пас стада вместе с братьями на бескрайних равнинах неизведанного, дарованного Небом утреннего мира, полного красок, звуков и ароматов. Он учился скакать верхом, стрелять из лука и владеть сразу двумя саблями, учился метать камни и ножи, красться в ночи и угонять соседский скот и рабов. Ман был нормальным мальчиком Народа.

Затем пришла смерть. Нормальная смерть юного степно-

го воина, защищавшего родное становище от набравшего силу соседа и павшего в первом же неравном, но, несомненно, славном бою. Небо оценило отвагу и самоотверженность юного Мандухая и дало ему право жить бессмертной жизнью, но уже вдали от родных степей.

Были еще десятки, а может и сотни, считать он тогда не умел, жизнью и смертей, пока наконец Ман не набрался умишка и не отключил режим марафона. Потом еще много чего понаслучаться успело, но пришло-таки время оказаться лицом к лицу с настоящим выбором...

Карл прикрыл на миг словно огнем обожженные от постоянного неусыпного внимания глаза, выдохнул и снова пополз по отвесной стене. Закончив свой короткий отдых на чем-то удачно выросшем из многокилометрового монолита этажей Величия балкончике, незримый и неслышимый сталкер двигался сейчас головой вниз, будто ящерица геккон из родного мира Бродяги. Он обязательно довспоминает ту историю полностью, обязательно вновь проживет ее, почтив тем самым память всех героев, вставших плечом к плечу на Тверди Небес против сил Храма. Но не теперь. Теперь – время «здесь и сейчас».

На него возложено очень многое. Пока Бродяга вершит свои великие дела, Карл заполнит своею силою все трещинки и прорехи в непререкаемо безупречном плане друга. Он – тень, пока Бродяга – пламень! Ха-х!

Длинный язык, не отвлекая внимания, смочил глаза, и ма-

ленький зеленый воин вернул себя вновь сюда, в сейчас, к планам и тактике. Пока этот надутый дварфийский дурачок с волосатым лицом ходил лично поглядеть на пленников, Карл притворялся одной из теней в коридорах его сверх секретного бункера.

Он смог неотрывно следовать за растяпами, гордо зовущими себя охраной и даже телохранителями, он смог заглянуть в нуль-камеру практически у всех на глазах и оставить на торце нуль-двери атомарный ретранслятор – двумерную конструкцию, обеспечивающую надежное соединение с Коллизеем даже внутри нуллификатора.

Затем под личиной человеческого ребенка тысячелетний гоблин передал записочку, оставленную стратегом Бродягой в схроне еще Небо знает когда и изъятую оттель хитрюгой Карлом прямо перед началом всей этой забавы. Оставалось только проводить надутого болвана к флайеру с переодетыми наемниками, что по давней дружбе и за баснословную монету согласились помочь немного в этом презанятнейшем мире.

Теперь нужно вернуться к девчонке-охотнице, чтобы в окно не вышла от нервов, ха-х! Да и дать ей заодно распоряжение продолжать делать ставки. Это будет лучшая в своем роде революция! Иерарх-простофиля проиграет мир на тотализаторе! Чтобы не рассмеяться в голос, Карл как обычно замедлил дыхание, расфокусировал глаза и удвоил скорость, переходя на бег. «Будь серьезнее, маленький Карлуша, на те-

бе все только и держится!» – твердил он себе под нос слова старинного и, наверное, единственного друга, этой хреновой занозы в заду – Бродяги.

Златобородый дварф Горриган Гормгрог при всей своей важности и деловитости, при всем своем богатстве и тяге к роскоши в этикете и прочих порядках высшего света Величия был абсолютнейшим профаном. Это и стало причиной того, что, миновав коридоры и залы, полностью лишённые челяди, прислуги, посетителей, просителей и прочее, и так далее, он ни на миг не усомнился в правильности происходящего. Как раз наоборот, запустение навеивало мысли о собственной важности, уникальности и избранности даже. Ну как же, никого нет, а он вот идет себе прямёхонько к Первому Иерарху на личную аудиенцию, да еще и с эскортом. Ай да дварф!

– Ваше всемогущество, – с полным осознанием самооценки и даже с легкой улыбкой дружеской снисходительности коротко поклонился Иерарху повелитель дна, – По Вашу первейшему зову безотлагательно прибыл, так сказать, и весь в Вашем распоряжении!

Еще целых полторы секунды земного времени, ну или времени Колизея, суть одна, неотразимая улыбка самодовольства продолжала сиять на сально блестящем надутым бородатом лице сразу под массивной в бордовых прожилках

сизой картофелиной носа и вплетенными в косы бороды усищами. Ровно до того момента, как кресло, почему-то стоявшее посреди кабинета, и оттого даже не сразу принятое мозгом дварфа за реальный предмет, повернулось, являя посетителю тощенького мужчину хумана в невзрачном сереньком костюмчике, позволяющего себе не только сидеть в присутствии Первого Иерарха, но говорить первым и даже вместе.

– А вот и многоуважаемый среди всех подонков Величия товарищ Гормгрог! Коллаборационист, подлец и просто преуспевающий делег! Милости просим, сударёк, проходите-с вон туда, извольте-с постоять одесную Вашего не менее маргинального хозяина.

Брови Горригана взлетели двумя могучими птицами чуть не под потолок, и лиловая краска негодования бросилась в лицо. Он уже было раскрыл рот, чтобы уж не знаю что, но вот прямо сейчас, когда сзади его взяли под локти, приподняли ровно так, чтоб ноги позорно замельтешили над полом, и перенесли на указанное тощим хуманом место подле безмолвно взирающего на все из своего гравикокона Пистаччо Карапуцци.

– Итак, вся шайка-лейка в сборе, и мы можем продолжить наше феерическое шоу негаданной справедливости! Не так ли, товарищи предатели? Вернем, так сказать, знамя революции в действительно надежные руки? – обезоруживающе снисходительно улыбнувшись, тот, в ком Горр сейчас стал

видеть знакомые, но пока ускользающие от него черты, продолжил, притом задорно посмеиваясь и театрально жестикулируя, – Вы, наверное, не очень-то меня и поняли? Извините мне мою тоску по родине, нет-нет, а как нахлынет... Я вот о чем, господа повелители дня и ночи, распорядители жизней человеческих. Нам, а это мне и некоторым из моих соратников, очень нравится идея затеянных вами игрищ. Однако, знаете ль, не хватает, как нам мнится некоей изюминки. Недостаточно прогрессивно как-то, господа мои замечательные! Что скажете?

Сказать, что Горр был в замешательстве, это не сказать ничего. Кем нужно себя вообще чувствовать, чтобы вот так разговаривать с Первым Иерархом целого сектора фронта?! Это ж каким могуществом надо даже не обладать, а прямо-таки быть, чтобы... Быть! Дьяволи его побери!!! Быть!!! Ну конечно же... Герой... От лица отхлынуло и ноги словно сами собою подломились, так что аж пришлось ухватиться за гравикокон Пистаччо, дабы не оплыть на пол сахарной желейкой. А вот Иерарх уже оправился и даже заговорил.

– Возможно, Вы, сударь мой, и правы насчет этой самой изюминки, чем бы оно ни было. Да, закоснели мы тут в отрыве от столиц, что уж и сказать, – Горр прямо почувствовал, как Первый Иерарх Карапуцци стал меньше и незначительнее, как его владетельный лексикон вдруг стремительно деградировал, обратившись в миг скудненьким словарным запасом конторского служки, и на душе стало теперь даже не

гадко и не холодно, а попросту никак, Иерарх продолжал, но Горру уже было плевать, – Возможно, Вы-то нам и подскажите, и подсобите, так сказать, улучшить шоу-то, чтоб, так сказать, и народец-то повеселился от души, и вообще...

«Какой позор! – думалось сейчас Горригану и рода Гормгрогов, дварфу, бывшему когда-то давно полным надежд и перспектив младшим сыном древнего, но оскудевшего рода, – Какой несмываемый позор на весь род! Гормгрог оказался в услужении у этой вот слизи! Как же я так подвел вас, предки мои?! Как же оказался я так ослеплен своими страхами и страстями, что не заметил, как скатился на самое дно и там вляпался вот в это вот?! – он смерил презрительным взглядом жирное трясущееся потеющее сало с мелочной жалкой душонкой внутри и гравикоконом снаружи и принял первое в своей жизни поистине храброе решение, приличное мужчине из древнего дварфийского рода, – Не бывать такому болеле!».

– Простите мое невежество, уважаемый, не знаю, кто Вы и как к Вам обращаться, но то и не важно, я полагаю, – хуман одобрительно кивнул и Горр, хмурый, но готовый, впервые в жизни решившийся, продолжил, – Я понимаю, что судьба моя решена, а жизнь не стоит и крысьего дерьма, но все же хочу предложить Вам некую сделку, – новый кивок из кресла подал знак продолжать, – Я готов на все сейчас ради одной только малой услуги с Вашей стороны. Плевать, как я умру и сколько народу узнает о моей смерти, это уже не имеет зна-

чения, но... — дварф замялся, горло сдавила ледяна гаррота животного ужаса, но он все же откашлялся и продолжил, — Прошу лишь о том, чтобы не звучало при том мое родовое имя. Я единственный... — он снова остановился, отдышался, набрал полную грудь и выдохнул единым разом, — единственный подлец в роду. Род не причем, господин, они не при чем...

— Уговор, — глаза этого живого сейчас выражали уважение и одобрение, ни единой искорки смеха или яда презрения, — Даже скажу более, уважаемый дварф, Вы только что изменили мое мнение не только о себе лично, но и о Вашем, эээ... компаньоне, — последнее слова прозвучало с таким презрением, что Горригана, аж передернуло от отвращения, — точнее о самой сути вашей, ха-х, компании. Я дам Вам шанс выжить. Крошечный, неуловимый, но шанс. А вот анонимность гарантирую полную. Спасибо Вам. Всегда приятно увидеть ростки духа в, казалось бы, совершенно гнилой душе. Я тронут.

У Горригана отлегло от сердца. Он безоговорочно верил этому живому. Не потому, что хотел верить, а потому, что существа, обладающие таким могуществом, не лгут, просто не имеют к тому ни мотивов, ни привычек. В свой шанс на выживание верить тоже бы хотел, но понимал, что сейчас речь не о том, а вот за честь рода был благодарен до самой глубины души, где, как оказалось не все еще сгнило и покрылось плесенью. Сейчас дварф стоял все на том же месте, но уже

совершенно не чувствовал себя ни зависящим от воли Карапуцци, ни алчущим власти и денег, ни трясущимся от страха за свое богатство, или жизнь, нет! Он чувствовал себя свободным и оттого улыбался! Сейчас только, впервые в жизни Горриган Гормгрог ощутил себя достойным носить свое родовое имя с гордо поднятой бородой, а в это странном хумане увидел вдруг первого за столько лет настоящего союзника!

– Ну, раз мы достигли с Вами некоторого взаимопонимания, – Горр с готовностью кивнул и сделал короткий шаг в сторону от смердящего куса мерзости под названием Первый Иерарх Карапуцци, и хуман продолжил с еще большим одобрением и уважением, и даже с видимой долей удивления, – тогда прямо сейчас, мой дорогой дварф, снимите, будьте любезны, с паузы скачки и пусть шоу продолжается, а мы с вами тут пока покумекаем над элементом новизны.

Глава 9

Сидел мессия на ступенях,
А люди думали, что бомж,
А бомж не думал, лишь отару
Окинул взглядом пастуха.

Сначала была тьма. Долго. Я бы, наверное, успел довести себя до иступления, если б не меню Колизея, а точнее, если бы не медитативный опыт, вынесенный мной оттуда. Когда картинка мира погасла, исчезли звуки, запахи, а затем и прочие отклики тела, я остался сознанием, подвешенным в абсолютной непроницаемой тьме.

Первым моим чувством тогда стал страх. Он затопил все, он заменил собой угасший мир, он стал моим воздухом, моим богом, страх стал мной. К счастью, вместе с картиной мира мне отключили и обратную связь с телом, а значит, гормоны не могли превратить нарастающий еще пока что страх в бесконечную всепожирающую лавину без конца и края. У чувства не было подпитки, и оно в один прекрасный миг достигло своего предела.

Без тела я не мог задышаться от страха, и это определило скорость, с которой удалось совладать с собой. Страх пе-

рестал накатывать, наваливаться, он обрел равномерность и будто остановился, как останавливается туман, скатившись с гор в равнину и заполнив ее до краев своим неповоротливым волглым телом. Здесь он замирает и остается быть, здесь он больше не властелин.

Когда появились мысли о моих друзьях и любимой, я понял, что жив. *Cogito ergo sum*. Надо же, не думал, что Декартова философия так глубоко въелась в подкорку, что способна успокоить меня даже здесь, за бесконечные миллионы миль, лет, жизней, вселенных, в колыбели всего фантастического, что лишь могло присниться человеку двадцать первого века Земли Изначальной, Земли Истинной, сказочной *La Vera Terra*.

Осознав себя помимо страха, я решил использовать время по назначению. Да будет мысль! Что вообще происходит в последние дни? Поток так захватил, я уже перестал удивляться, перестал злиться на обстоятельства, а это совсем на меня не похоже, перестал отдавать себе отчет в том, что есть настоящее и где в нем мои планы. Меня просто волочет бурным половодьем событий, я же почему-то выбрал уподобиться одинокому листу, сорванному ветром, брошенному в водоворот, безвольному и безучастному, способному разве что пожелтеть и намокнуть от ужаса и беспомощности.

Почему я говорю о выборе? Да потому что это выбор и есть. Бессознательный, трусливый выбор инфантильного слабака, коим я прожил большую часть своего времени. Мне

привычно выбирать, даже не зная об этом, я умею не замечать, как принимаю решение, способное и уже готовое убить меня. Имеются даже отточенные для того инструменты: мой внутренний диалог, мои оправдания себя и обвинения сторонних сил, мой пренебрежительный взгляд на всех прочих, на объективный опыт. Я крупный спец в одурачивании себя, который теперь вдруг заметил надувательство и даже несколько замешкался, сбитый с толку незамысловатостью приема.

Итак, когда я свернул «не туда»? Когда мои действия перестали быть моими? Я отдал себе команду на раскручивание памяти и стал наблюдать, просматривать эту пленку.

Вывод пришел неутешительный, ну или наоборот как раз, весьма воодушевляющий. Почему так? С одной стороны, понять, что при всем своем самомнении я никогда не руководил собственными действиями, обидно и горько, это выбивает почву из-под ног. С другой же – это совершенно замечательным образом объясняет всю ту неуправляемость, все то безумие, что переполняют мою жизнь, начиная с первого рождения и до сего мига.

И правда, мне все время казалось, будто попятам за мной идет невезение, злой рок, фатум. И вот это многоликое и многорукое чудовище вмешивается в каждый мой шаг, создавая преграды и ловушки, подставляя и намеренно затягивая в кипень губительных и непреодолимых событий. Так вот, исходя из увиденного мной, ничерта мне не казалось!

В конечном счете, лишь отдельные поступки, совершенные в состоянии великого вдохновения под давлением неотвратимости, были по-настоящему моими. Так я подобрал и назвал братьями Духа и Мрака, так я спас Энвэ и Непримиримость. Во второй попытке обучения я смог избежать наркотиков и пойти по пути тихого профессионала, испугавшись и отказавшись не только пробовать отраву, но и иметь хоть что-то общее с дурной компанией. Так я свел в ничью дуэль с моей МиссТи, а сейчас вместо саможалости придался медитации. На этом первичный список моих самостоятельных поступков заканчивается. Все остальное за меня делало нечто, имеющее довольно слабое отношение ко мне, точнее даже говоря, мной не являющееся и руководящее исподволь, со стороны, из тени.

Мой вызов Богам ничем на самом-то деле не отличим от всей первой жизни и призван вести меня к такому же бесславному и назидательному концу. Принимал ли я то решение? Да нет конечно! Что я мог принять в состоянии полного ослепления гормональной вспышкой, оцепенения сознания? Разве что желаемое за действительное... Ну так я и принял. В миг единый решив, что меня обманули, обидевшись как дитя, я распалил внутри негасимое пламя химических реакций, пьяный и безумный в целом океане кортизола и адреналина я принял себя за бессмертного Титана, эдакого Кратоса мира Колизея. «Что нам Боги? мы сами с усами!». Клоун на потеху истинным бессмертным!

И так всё... Кэп, например. Ну ладно, за него я судьбе благодарен, тут ничего не сказать. Но сам факт! Какого черта я взялся разбрасываться кровными узами направо и налево? Какого, простите опять же, дьявола я взвалил на себя непосильный груз чужих долгов, словно мне и море по колено, и горы по плечо?..

Чёрт – не брат и Бог – не судья, да что со мной не так-то?! Откуда эта необоримая тяга к саморазрушению? От рождения и сквозь все жизни – бесконечный поток немотивированной дури, которому и смерть – не помеха, и опыт – не прок! Где во всем этом, собственно, я?!

А ведь просто все. Кругом и повсеместно был именно я, но действовал и принимал решения той частью, которая с самого первого дня отвечала за все злоключения, но той ответственности так никогда и не признала и не признает. Он, этот вечный карапузик, убийственно инфантильный «Я» на подобное попросту не способен, не для того его мама рожала. И вот вся суть, само ядро ответственности за собственную жизнь с сего дня заключается для меня в единении всех частей, в принятии их сильных и слабых сторон и недопущении к штурвалу дурачка, к диалогу – гневливого самодура, к любви – рефлексизирующего в собственной неполноценности нарцисса. Решение должно принимать отсюда, из этого вот безмолвия, из этой целостности, где у меня слитного нет сомнений в истинной природе собственных выводов, доводов, посылов и, главное, целей.

Что я мог сделать на сегодня для себя, для тех, кто пошел за мной? Для начала принять сам факт. Мы идем путем боготорцев и с этим пока ничего поделаться нельзя. Но, однако ж при первой же okazji с Богами необходимо начать конструктивный диалог и замирение, ежели таковое возможно еще. А в случае неизбежности битвы и я, и моя команда должны быть сильны как Боги. То есть основная цель на сегодня не выжить или что-то там еще, а вынести из происходящего силу и знания. Отныне нам плевать на всё и вся, у нас больше нет времени на игры и сомнения, на примитивные страсти героев и глупые забавы неписи. Мы – команда, идущая убивать Богов, и нам нужна вся сила всех миров!

Будто подслушав мои мысли и убедившись в их правильности и законченности, мир пришел. Мир ворвался в меня лавиной сигналов от уже даже и позабытого тела. Ледяной ветер черных промороженных скал ожег кожу, воем рванул барабанные перепонки. Бледный полусвет хмурого, затянутого низким свинцом грозовых туч неба принялся нещадно резать глаза, заставляя щуриться и искать защиты. Грубый камень под руками напомнил о том, что когда-то давно, еще до того, как мир погас, мы имели военный совет, на котором Энвэ устроил... Что это, кстати, было?

Я вновь собрал нашу компанию в ментальном поле и вознамерился уже обратиться к берсеркеру с чем-то вроде: «Эн-

вэ, друг мой, потрудись, пожалуйста, объяснить свой последний жест, поставивший под угрозу не только наши планы, но и наши жизни». Однако, стоило связи меж нами появиться, как в мозг ворвались хором сразу два голоса: звонкий от негодования прекраснейший голос во вселенной, безусловно принадлежащий моей МиссТи, и насмешливый, манерный и оттого совершенно не обидный, но требующий немедленно-го ответа голос ЛаВеги.

– Энвэ, какого хера?! – это нежный ландыш моей души серебряным колокольчиком вызвенела всю гамму чувств гнева и недоумения.

– Дружище берсеркер, а ты оказывается не только древний легендарный собиратель земель Пантагареи Энвэ Престол, но еще и дурак, каких в свете не сыщешь! Кой демон укусил тебя за бубенцы, воитель?!

После обезоруживающей и ставящей все по своим местам реплики Серхио мне оставалось лишь подытожить. Заметив, что виртуальность вокруг нас все еще прогружается, возможно стоит на паузе, но так или иначе не позволяет пока продолжать движение, я предложил Энвэ не обижаться на друзей, пусть и излишне эмоционально, но, по сути-то, верно выразивших общий фон чувств, и всё же кратко объясниться. Ну почти так...

– Энвэ... Твою душу! Что за херню ты устроил? Нас же чуть было не стерли ко всем чертям! Ты совсем рехнулся?! Ты наши планы вообще слышал?! Короче, я с тебя млею!

Объяснись немедленно и предложи реальный выход из заваренного тобой дерьма, иначе, клянусь, я тебя сам кончу!

В голове прогремел гонг аллерта, привлекая внимание к тому простому факту, что меня вновь несет, а вся собранная по крупице во время медитации рассудительность была мгновенно забыта, стоило эндокринной системе вновь обрести свое прежнее влияние. Я смутился и уже собрался извиняться и мямлить что-то про вспыльчивость, когда вкрадчивый и явно повинный голос воина ушатом холодной воды смыл прочь весь этот пестрый винегрет чувств и мыслей.

– Друзья, простите! Простите меня, мою глупость, мою несдержанность и незрелость! Я виноват перед вами и не ищу себе оправданий, ибо трезвым умом мертвеца знаю, что таковых нет. Однако позвольте мне кое-что вам рассказать. Возможно, это поможет нам совместно придумать выход из того бедственного положения, в которое ввергла нас моя необузданность – самая суть воина боевого безумия.

Он уложил свой рассказ в пару минут. За это время в тучах над нами начали посверкивать молнии, затем пошел колющий крупный и частый дождь, словно ледяными иглами ранящий кожу, и наконец я почувствовал, что будто с мышц спало оцепенение, тело мое продолжило движение, начатое еще до остановки мира – неизбежный и такой логичный в тот момент жест рука-лицо.

Остановить расшалившуюся моторику не составило труда, ибо внимание было заострено и очищено от всего нанос-

ного той трагедией великого человека, очнувшегося вдруг на пепелище собственного трона, которую развернул перед нами Энвэ Храброе Сердце. Весь ужас ситуации сейчас был очевиден каждому из нас, связанным в единый ментальный поток, так что я резюмировал и принялся раздавать команды, потому как именно этого мои друзья сейчас и ждали, смятенные, но готовые действовать даже без надежды на успех.

– Короче, нам трындец хоть так, хоть по-другому. Живыми нас отсюда не выпустят! – впервые сейчас я ощутил эмоции моих друзей, их безмолвный ответ был слитным потоком одобрения и согласия, – Тогда давайте хоть развлечемся, сколько получится! – снова поток одобрения, – МиссТи, связь с Карлом есть?

– Да, он сейчас как раз вернулся и стоит у меня над душой, в ожидании твоих действий.

– Пусть поднимает восстание. Не знаю, как он это будет делать, но у этого пройдохи за плечами тысяча лет теневой игры. У него должно получиться. Скажи мне, ты можешь поставить только на те события, что предложил букмекер, или доступно создание собственных позиций?

– Доступно, – господи, обожаю ее мудрую краткость!

– Отлично! Создавай ставку на успех народного восстания ну пусть... Парни, мы если что сутки протянем, как думаете?

– Да.

– Если не сотрут, и больше прокувыркаемся.

– Тогда, МиссТи, ставь на успех народного восстания в течение суток Колизея. Ставь разом все, что только можешь поставить. Цифра должна быть по-настоящему привлекательной. Сколько у тебя есть?

– Тут гоблин ржет как безумный и говорит, что благодарен Небу за такого смышленного напарника. Так... стоп... сейчас... Ага. Он мне только что перевел сумму с десятью нулями и ушел через окно, как ящерка. Сквозь его смех и бормотание я поняла только что-то про то, что некий Первый Иерарх Карапуцци только что оплатил самую важную ставку в своей жизни.

– Ого, – Энвэ ворвался с радостной улыбкой и действительно воодушевленным тоном, – Карапуцци? Это прекрасная новость, друзья! Не знаю, что за гоблин этот Карл, но нам повезло иметь на своей стороне живого, способного выпотрошить счета местного Иерархата! Возможно, мы даже еще имеем шанс!

– Прекрасно. Теперь остается этот шанс не упустить. Мир отмер и нам пора идти воевать. Энвэ, мы сейчас двинемся к расщелине, а ты... – я задумался на миг, взвешивая шансы, но затем вдруг ясно осознал, что пришло время игры ва-банк, – А ты обратись к своему народу, вождь. Скажи пусть делают ставки и хватаются за вилы... ну или бластеры, что тут у них в ходу.

Все трое слитно кивнули друг другу и выдвинулись. Я пошел первым, материализовав свой Кровавый Фламберг

Справедливости. Ох и давно я не ощущал этого прикосновения! Привет, брат! Улыбнувшись сам себе, я рванул зубами левую ладонь и охватил ею рукоять ближе к малой гарде – перехвату. По мечу растеклась волна теплого отклика узнавания. Верный друг полыхнул кармином и притих в пружинистом ожидании, демонстрируя радостную готовность упиться кровью допьяна.

Сразу за мной, немного слева шествовал Серхио ЛаВега. Он именно шествовал! Голова гордо поднята, на лице слово «порода» выписано золотом по шелку, благородство осанки и чеканность шага вызывают гордость и зависть. Он читает что-то нараспев, и перед нами формируется полупрозрачная сфера тумана. Вдруг от нее откалывается сфера на порядок меньше, но плотнее и улетает облачком в темный зев расщелины. Теперь мы видим прямую трансляцию с позиций засевших на нас душегубов.

Кто сказал, что есть смысл сравнивать миры науки и миры магии? Нет никакого смысла, ибо я, например, понятия не имею, какой из видов искусства представляет явленная нам система. Серхио значитесь магом пространства – факт, однако ж Колизей изначально кажется мне проявлением технологий. Во всяком случае, если следовать обычной здравой логике, то зародившееся на моей Земле детище рук человеческих вряд ли может являть собой продукт магический. Или не так?

Я оглянулся ровно вовремя, чтобы увидеть, как, задрвав

голову, широко расставив ноги и уперев в бока молотоподобные кулаки, Энвэ пророкотал в клубящиеся небеса свой по-настоящему революционный для закоснелого тоталитарного мира призыв к такому напрашивающемуся, вроде, но и не укладываемому в рабских головах действию – принятию ответственности за собственную свободу.

– Люди Пантагареи! Я обращаюсь именно к людям, потому что Пантагареи всегда был человеческим миром! Неужели вся пролитая нами кровь, все наши завоевания и достижения, все подвиги патриотов моего времени канули в небытие?! Неужели вы решили склониться перед этими жирными крысами, возомнившими себя хозяевами?! Да с каких это пор у человека Пантагареи могут быть хозяева?! Я возродился вновь, чтобы вернуть вам былые возможности и открыть новые. Идите к букмекерам, но не троньте их, лишь сделайте ставку на вашу победу, затем хватайте оружие и ступайте на улицу! Пресекайте каждого, кто возомнил себя властелином ваших судеб! Пресекайте их на корню! Бандитов и правителей, чиновников и солдат, их жен, их детей! Но не крушите, не ломайте имущества. Ведь оно принадлежит не этим разожравшимся тварям, все вокруг вас принадлежит Пантагареи, вам, мои люди! Я вернулся, чтобы напомнить, что вы свободны! Идите и пресекайте их всех, а когда победите, заберите свои деньги и будьте свободны! Так сказал я, Энвэ Узурпатор, Энвэ Престол. Я – бессмертный герой Колизея! Я – ваш брат! Я – Энвэ Храброе Сердце!

Погрозив напоследок кулаком с возникшей в нем прямо из воздуха великолепно изукрашенной золотом и черненым серебром тяжелой секирой, воин, безумно хохоча рванул за нами, так что ко входу в ущелье мы подошли уже втроем.

ЛаВеги́на сфера показывала сейчас засадную тройку, каждого из них. От напряжения лица превратились в маски. Они видят следящую магию, они знают, что секрет раскрыт, их видят. Они уже поняли, что засада превратилась в ловушку для охотников, но пока ничего не решаются предпринять. То ли приказа нет, то ли страх сковал.

На бегу ведя обмен короткими рубленными мыслефразами, я извлекаю из небытия свой щит Единения, пока что позволяя алгоритмам виртуальности считать из меня лишь никогда прежде не существовавшие у него свойства неуничтожимости, отсутствия веса и аккумуляции отраженного урона в виде Очков Истины. Как-то само придумалось решение проблемы, ибо являть в первом же бою облик Титана не хотелось, естественно, а иначе нести щит я смог бы только двумя руками и со скоростью умирающего.

Система оказалась на удивление податлива и проглотила обман. К тому же активное «недумание» дало и неожиданный эффект: все остальные свойства щита и меча, и даже количество этих свойств система сочла величинами неизвестными и подлежащими изучению.

То есть у меня появилась возможность постепенно надевать свое оружие дополнительными любыми суперспособ-

ностями по мере появления необходимости в оных! И самое главное здесь – слово «любыми», я могу сделать щит кулоном для троих, а меч... ну, допустим, световым или атомарным, игнорирующим всякую защиту, увеличивающим скорость атаки... да что угодно вообще. И система сглотнет, главное не зарываться и продолжать отыгрывать дурачка-новичка с чудесным имбалансным оружием, проявляющим свою суть в действительно безвыходных ситуациях.

Итак, невесомый в этом синтетическом мире щит – на левой руке, меч – в правой. Тяжеловат, правда, мой фламберг для однорукого, не подумал я об этом заранее, но так и мои параметры виртуальность все никак не может устаканить, я ведь их тоже как бы не знаю. Эх-х! Пара взмахов пламенеющим клинком и внутреннее искреннее удивление его неподъемностью... опля! Меч уже идеально подходит для правой руки как по весу, так и по балансу. Всё, достаточно подготовки, погнали убивать!

Горр Гормгрог неотрывно наблюдал за этим странным хуманским героем и все никак не мог уловить ту мысль, что бегала сейчас по извилинам, щекоча и раздражая мозг, словно крысопод по вентиляции от дронов-охотников.

«Да кто же он, диаволи его дери за ноздри, таков?! – думалось златобородому, – Он хорош... Хорош! Тут ничего не скажешь, он даже для героя очень хорош, но... Откуда я

знаю его? Никогда ведь не запоминал этих хуманов, все на одно лицо, слизни безбородые. А тут вон тебе на тебе, засело в башке!...».

Раз за разом перебирая в памяти все возможные и невозможные варианты, он чувствовал, что упускает самое важное, что ищет даже не там, но ничего не мог с собой поделаться и оттого мучался сейчас и страдал. Страдание, надобно сказать вышло настолько велико, что обращенный к нему вопрос дварф пропустил мимо ушей и даже со второго раза не очень-то и расслышал, скорее догадался.

– Почему они неподвижны? Мы же с Вами договорились, уважаемый Горриган из Гормгрогов, что шоу должно продолжаться. Шоу маст гоу он, гноме! А?

– Что? О... Сударь мой, это все из-за размеров мира. Мы создали огромную площадку и ей нужно время после аварийного прерывания...

– Сколько?

Голос хумана не был ни грубым, ни рассерженным, он вроде бы продолжал говорить все так же мягко, вкрадчиво и насмешливо, что и прежде, но по позвоночнику Горригана Гормгрога разрядом медленного электричества пробежала струйка холодного пота и растеклась вдоль массивного пояса его свободных шаровар обычных в домах и на приемах дварфийской знати, но чудных здесь, на фронтире Пантагареи.

На счастье, именно в тот момент, когда бородач, теряя последние капли достоинства, уже собирался бухнуться повин-

но этому герою в ноги, фигурки на свернутом в небольшую полусферу холо пришли в движение.

Двое споро потрусили ко входу в подготовленную для них ловушку, на бегу доставая оружие, разминая мышцы и формируя заклятья. Тот же, что звал себя Престолом, единственным по праву завоевателя повелителем Пантагареи, встал по-дварфьи, словно он и вправду не из жалкого людского племени, но урожденный хирдман подгорной рати, и прорычал, потрясая роскошной секирой, свой призыв прямо в благоговейные лица черни, прилипшей по всему Величию к холовизорам.

– Диаболи! Как он велик! Он равен нашим лучшим героям, и даже... – Горриган уже не замечал, что стал говорить вслух, такой силы восхищение овладело им, – Это не человек, не дварф и никто бы то ни было еще, он истинный повелитель! Истинный, во имя лунного неба над вечными кряжами Родины! Это Бог Войны! Он – Бог...

Горр бубнил себе в бороду, не обращая внимания ни на гневный взгляд Карапуцци, ни на одобрительную усмешку хумана. Сейчас он, дварф из древнего рода видел рождение легенды и четко отдавал себе в этом отчет. Сейчас он видел истинного Бога Войны. Не того, кто, очертя голову и закусив сведенными судорогой зубами щит, несется голышом в гущу врагов, и даже не победителя победителей, не чемпиона чемпионов. Горр видел Бога! И слова тут не помогут ничем. Он видел, как Бог поднимает свои рати одним мановением

руки. Ему не нужны ни кнут, ни злато, он просто приказывает идти и рать идет, он говорит побеждать и рать побеждает. Златобородый толстяк, давно и прочно, казалось, забывший честь и пьянящий вкус бранной славы, дважды стукнул себя кулаком в грудь, не отрывая очарованных глаз от величайшего зрелища среди звезд, и ухнул-грянул во всю глотку боевой клич Гормгрогов, содрогаясь от великолепия всем телом, готовый жить и умереть под командованием Истинного.

– Сообразил, дурачина, на кого зуб точил? – насмешливый голос был добр и снисходителен, а Горровы уши вдруг распознали те же ноты, ту же статью, породу, ту же необузданную силу, что и в призыве Престола, – Ну что, готов послужить на благо Колизея? Не струхнешь, гноме?

– Нет, Великий...

– Я – не Великий, ты перепутал, дварф. Великий еще не пришел. Все еще... А я... Я – лишь один из предвестников, и являюсь им уже такое количество несчетных тысячелетий, что забыл бы себя... да не получается... не дают.

Мужчина в невзрачном костюме, бывший уже давно не хуманом, только теперь Горр это видел без сомнений, и даже не героем, наверное, вдруг запнулся, остановился. Его лицо вмиг выцвело, словно покрытые пылью древние страницы, а в глазах разверзлась Бездна. Бездна с заглавной буквы, то самое Нигде и Никогда на дне которого только и может существовать Ад.

Это было еще одно чудо, уже второе чудо, явленное ему,

недостойному сыну древнего рода, видно еще не потерявшему свой последний шанс. Горриган Золотая Борода гордо поднял взгляд и посмотрел на этого вмиг состарившегося под гнетом тысячелетий воина, как может смотреть лучший во всем цеху ученик на великого мастера, учителя учителей, задремавшего в своем мягком старческом кресле – с гордостью, достоинством и обожанием.

– Прости, человече! – дварф встал на одно колено и склонил голову, – Прости мою дерзость, глупость и надменность забывшего предков сопляка, отравившего не по мудрости бороду! Я готов сослужить любую службу... Это честь... Это шанс! Спасибо!

– Да ладно! – человек поднялся, обошел стол и, встав в полтора шагах от коленопреклоненного дварфа долго и пристально разглядывал того с неподдельным интересом, изумлением и добротой, – Ну ты дал, гноме... – повернувшись спиной абсолютно беззаботно он задрал голову и крикнул куда-то в потолок, – Борислав!

Человек стоял, не сводя взгляда с изукрашенного искусной живописью высоченного потолочного свода так, словно там для него было развернуто индивидуальное холо. Горриган наконец позволил себе слегка приподнять бороду от груди и, пусть бы и одним глазком, да понаблюдать за невозможными невероятностями, снизошедшими вдруг на него благодатной лавиной.

– Борислав! Во-первых, я чую тебя, и знаю, что ты меня

слышишь. Во-вторых, даже если и не так, сигнал бы уже пришел, и, значит, ты услышал. Поэтому не будь говном, Борислав, яви свой усталый лик и сделай хотя бы вид, что тебе не плевать!

Потолок дрогнул, как изображение при плохой передаче, пошел рябью и... вовсе исчез. Точнее, исчез не сам потолок, а лишь его текстуры. Так бывает, еслиходишь в режим конструктора виртуальности, чтобы, например, перестроить полигон для скачек или переписать в нем физику. Дворец Карапуцци был вершиной Величия, высшей точкой, и потому над сводом приемной не было никаких более конструкций, не было километров этажей, как над резиденцией самого Горра.

Взгляду онемевшего дварфа, уже даже забывшего притворяться, что он не смотрит, предстал сейчас слегка подсвеченный, почти совсем прозрачный трехмерный векторный каркас здания, на котором и «крепились» ранее текстуры интерьера. А далее была Чернота. Целая бесконечность черноты с плавающими в ней мирами и быстрыми, а оттого хвостатыми как кометы точками кораблей Торговой Лиги. Россыпь миров и чехарда точек, теряющиеся и незначительные в первоизданном ничто без начала, конца, времени...

Планетарные шары живых миров, сплюнутые диски, волчки и полусферы – субмиры, осколки миров отживших и каркасы миров грядущих. Все это накатило на бедного почти даже не дышащего от ужаса и благоговения разумного,

напрочь лишая его этого самого разума, ввергая в то состояние экзальтации, в котором, как он теперь знал, фанатики Тверди Небес под знаменем Первохрама шли искоренять героев – ересь Колизея, как говорили их жрецы.

Знание пришло и ушло, оставляя лишь отблеск в памяти и тень веры достаточную для того, чтобы не сойти с ума. Горриган Золотая Борода Гормгрог дрожал и благоговел, он чувствовал, расслабь хоть на миг сведенные спазмом чресла и по ляжкам потечет позорное тепло. И будет он уже не Золота Борода, а Золотая Лужа! Эта нелепая мысль растянула на закаменевшем лице улыбку и еще немного прочистила разум как раз в тот момент, когда все величие междумирья оказалось занято холо-маской наинизшего качества. Такое отображение лица используется либо при сверхсекретных супершифрованных конференциях, либо при разговоре между мирами через ретрансляторы Лиги. Маска растеряла прозрачность и, обретя мерзкий бледно-зеленый колёр, заговорила.

– Конечно же мне плевать! С чего бы это должно быть наоборот? Ты не заигрался в Бродягу, Стас? При непис... Черт! При этих вот почтенных живых взываешь к Богам! Может тебе пора отдохнуть? Напоминаю еще раз, что ускорение времени...

– Да-да-да, бла-бла-бла! Слав, отвали. Подключи вот этого, – дерзкий даже Богам предвестник, не глядя, ткнул пальцем во все-таки слегка опозорившегося, но даже не чув-

ствующего этого дварфа, – Дай полный ресурс, он созрел. А вот этого... – палец тычет в давно потерявшего сознание Пистаччо Карапуцци, – Короче я ему тут придумал резон. Для своих нужд забираю. Открепи и отдай мне. Все, давай уже. Да вижу, вижу, что ты мне хочешь сказать. И повторяюсь. «От-ва-ли!». Мне можно, Слав. Исполни.

Маска нахмурилась, поцокала языком, гневно плюнула в пустоту и исчезла. На месте явления Божия вновь выросли потолочные росписи, а человек в невзрачном костюме с сияющими добротой и насмешкой глазами подошел к замершему и не могущему моргнуть, не то что пошевелиться Горру, хлопнул того по плечу и дварф вдруг с острой ясностью осознал, откуда памятным ему все казалось лицо предвестника. Да просто принадлежит оно, лицо это, никому иному, как неуловимому бродяжке с нулевого. Он потряс головой, чтоб стряхнуть оцепенение и кое-как продрав горло выдавил из себя самое нелепое, что только и можно было сказать в этой ситуации.

– А ты и вправду сам ловил крысоподов, жарил их и продавал?

– Конечно. Я тебе говорю, я не Бог, не Великий, я просто предвестник, а предвестникам надо чем-то питаться. Ну что, Горр, чувствуешь в себе изменения?

– Никак нет, – прохрипел вновь вспотевший до нитки дварф.

– Ну это нормально, пока жив. Все мы, пока живы, тупы до

невозможности, – предвестник рассмеялся, словно отмочил удачайшую шутку и продолжил, слегка приобняв и похлопывая по плечу потеющего и сопящего, но все так же не моргающего бородача, – Бери этого пончика и поехали в твои катакомбы, надо бы кое-кого кое-куда подключить, – он задорно подмигнул dwarфу и тот, не сдюжил-таки, гулко рухнул об пол без памяти и чувств.

– Слаба плоть человечья, что уж про непися-то говорить. Свезло тебе, гноме, эх и свезло, морда протокольная! Ладушки, будешь Мастером значит у нас. Надо ж... А я тебя на фарш планировал...